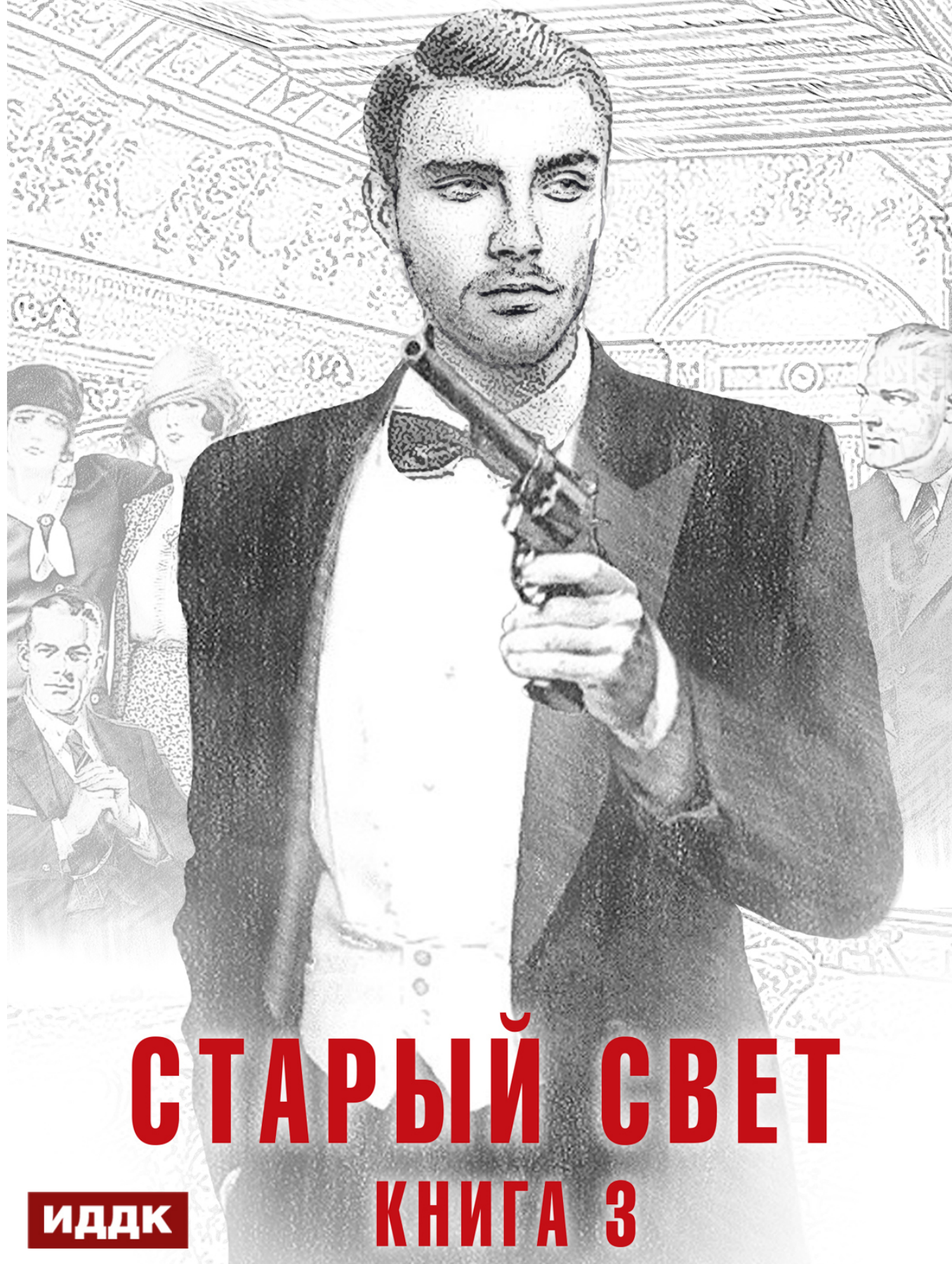

Евгений Капба

АТТАШЕ

СТАРЫЙ СВЕТ

КНИГА 3

ИДДК

Старый Свет

Евгений Капба

Старый Свет. Книга 3. Атташе

«ИДДК»

2023

Капба Е. А.

Старый Свет. Книга 3. Атташе / Е. А. Капба — «ИДДК»,
2023 — (Старый Свет)

Приключения безымянного экс-поручика продолжаются! Впереди – полные ветра паруса, далекие берега, копоть и дым, стрельба из револьверов, прекрасные незнакомки, прожженные негодяи и закадычные друзья, сумасшедшие изобретатели и неудавшиеся властелины мира... Должность военного советника мятежной Конгрегации и одновременно – имперского атташе, как оказалось, предполагают выполнение миссий весьма странных, в том числе – в странах весьма отдаленных...

© Капба Е. А., 2023

© ИДДК, 2023

Содержание

Часть первая	6
Глава 1. Кафры и каннибалы	6
Глава 2. Давид и Голиаф	12
Глава 3. Первый класс	17
Глава 4. Светское общество	22
Глава 5. Герметичный детектив	27
Глава 6. Несколько переменных (герметичный детектив-2)	32
Глава 7. Трое в лодке	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Евгений Капба

Старый Свет. Книга третья. Атташе

© Капба Евгений

© ИДДК

Содержание цикла "Старый Свет":

Книга 1. Поручик

Книга 2. Специальный корреспондент

Книга 3. Атташе

Книга 4. Флигель-Адъютант

Часть первая

Глава 1. Кафры и каннибалы

Памяти Алексея Толстого

Солнце пекло в самую макушку, в пронзительно-голубом небе не было видно ни облачка. С диким воплем мимо пролетела пара диковинных ярко-алых птиц с пышными хвостами и скрылась в ветвях худосочных казуарин, которые росли у самого края импровизированного плаца.

– Ать-два, левой! Левая нога где? Это какая, едрить твою в качель, нога? Во дают, черти! Они где право-лево не понимают! – тарашил глаза вахмистр Перец. – Это не строевая подготовка, это хрень собачья!

– погоди разоряться, вахмистр! Вот, гляди, как у нас на флоте ребят из пердей учили. – Дыбенко был тут как тут.

Неугомонный старшина взял в одну руку связку сушёной рыбы, в другую – местные сухие и перченые колбаски. Он прошёлся вдоль строя несчастных кафров, пытающихся освоить военную науку, и сунул в левый карман полотняных штанов каждого из добровольцев по колбасине, в правый – по рыбине.

– А теперь давай, вахмистр! Рыба-колбаса! Рыба-колбаса!

– Р-р-р-рыба! – зарычал Перец на наречии гемайнов, и кафры неуверенно топнули правой ногой. – Кол-баса-а-а!

Дело пошло веселее. Дыбенко закурил и подошёл ко мне.

– А что? Это ещё первый император придумал, когда армию нового образца создавал.

– А старого образца плохая была? – хмыкнул я и сморщил нос от ядрёного запаха махорки.

– А чо-орт его знает, – пожал плечами Дыбенко. – Вы вон нас и старорежимными ухватками раздолбали, как бы наши уполномоченные там ни изгалялись. С другой стороны – Старая империя и Новая империя – это две большие разницы, как говорят в Яшме. При старом режиме тошно мне было, душно! А сейчас как будто у народа второе дыхание открылось...

– Или начали ценить то, что имеют, после того как кровь друг другу пустили? – спросил я.

– Та-а-ак, отца-командира понесло в философию. Надо с этим что-то делать.

– Надо выпить, – вырвалось само собой, и мы с Дыбенкой, оставив пять сотен кафрских добровольцев на попечении ретивых легионеров, которые явно получали удовольствие от процесса, отправились в палатку промочить горло.

В глаза мне сыпануло, на зубах закрипело. Подул знойный северный ветер. Суховей залетал в предгорья из ущелий, принося песок и жар Сахеля в благодатные долины Наталя. Следом за жарким ветром по нашу душу шли каннибалы, науськанные людьми Грэя. Как докладывала разведка, федералисты сулили им все земли по самую Руанту, которая станет границей между аборигенами и Федерацией. Залитые водкой, увешанные стеклянными цацками и яркими суконными тканями, снабжённые устарелыми ружьями и несколькими дульнозарядными пушками, вожди каннибалов двинули своих воинов в поход – покорять плодородный Наталь, резать семя бородатых демонов-гемайнов и выжигать на корню недочеловеков-кафров. У нас был месяц или полтора до пришествия орды, не больше.

А ещё у меня была бутылка мадеры, початая. Чпокнула пробка, забулькала бордовая жидкость в алюминиевых облупленных кружках. Дыбенко выпустил аккуратное колечко дыма.

– Гляди, как научился! – похвастал он.

Я в ответ нарочито-восхищённо закатил глаза и поднял сосуд с мадерой вверх:

– Будем?

Дзинь – звякнули кружки.

– Сожрут они нас, как думаешь? – спросил я.

– Подавятся! – откликнулся Дыбенко. – Мы на вкус противные.

* * *

Коммандо гемайнов проводили манёвры в вельде на границе с Федерацией. Война должна была вспыхнуть вот-вот, но Виктор ван дер Стааль не рисковал отдать приказ атаковать передовые посты и гарнизоны зуавов – это было чревато большими репутационными потерями. Ну да, тот же Альянс или Арелат вряд ли что-то переубедит – они были целиком и полностью на стороне нового божества всей прогрессивной общественности, президента Артура Грэя. А вот сочувствующие из империи и Протектората могли наморщить носы и сделать «Фе!», если бородачи примутся без видимой дай-причины изничтожать врагов. И это «Фе» грозило выйти боком – меньше добровольцев, меньше оружия, меньше дипломатического прикрытия. Конечно, была трагедия Сан-Риоля. Но Сан-Риоль это не Наталь и никогда им не был.

А потому коммандо патрулировали вельд в полной боевой готовности и не могли сняться и прийти сюда, к нам, в предгорья. Федералисты только этого и ждали, чтобы лютые конные стрелки гемайнов отправились воевать с каннибалами. Колонны под ультрамариновыми знамёнами с золотым солнцем тут же двинулись бы через Лилиану, грохоча сапогами и лязгая артиллерийскими лафетами.

Поэтому Стааль и другие лидеры гемайнов обратились к нам – военным советникам и добровольцам из иностранного легиона. Впервые за десятки лет кафры изъявили желание принять участие в защите родины. Очень уж большое впечатление на мирных пейзан произвели рассказы риольцев, которые прибыли в Наталь на парокладах и были расселены по краям всей страны. Теперь мне казалось, что хитрец-архиепископ поступил так не случайно. Слезы маленьких девочек и глухие проклятья мужчин, понюхавших порошу при защите родных домов, ныне сожжённых, действовали на и без того патриотически настроенное население куда эффективнее, чем сотни пропагандистских речей и броских газетных заголовков.

Так или иначе, общины кафров постановили выделить от каждой пяти семей по одному неженатому парню на подмогу хозяевам, чтобы оборонять рубежи Наталья от безбожных федералистов и чудовищных каннибалов. Они думали, что будут строить укрепления и подносить патроны. А гемайны, тоже впервые в истории, дали кабрам в руки винтовки.

– Как они будут стрелять в людей? – спросил я минеера Бооту, который координировал наше взаимодействие с кабрами. – Им же жалко!

– Они послушные. Из них не получатся воины, да. Но я уверен, вы сможете воспитать из них солдат.

Воин и солдат – это не одно и то же? Интересная и спорная мысль! Но пока что всё говорило в её пользу.

Коричневые босые ступни месили пыль, винтовки в крепких молодых руках кафров вздымались вверх, прикладывались к плечу и – щёлк-щёлк – клацали затворы.

– А-а-а-агонь!!! – кричал по-имперски вахмистр Перец, и сотни пальцев вхолостую тянули за спусковые крючки.

Патроны им раздали только дней через десять.

Если Боота был прав, муштра и привычка повиноваться команде на самом деле должны были стать для покладистых кафров подходящим способом превратиться в силу, могущую противостоять диким ордам каннибалов.

* * *

Дыбенко, Перец, Фишер и ещё дюжина легионеров скорым маршем вели нашу полутысячу кафрских добровольцев к ущелью Ланге гуут, Длинная кишка. Я формально никакой должности не занимал, поскольку к иностранному легиону приписан не был, но курировал весь процесс формирования добровольческих кафрских соединений и должен был предоставить подробнейший отчёт об их эффективности. Точнее, два отчёта. Даже три – в «Подорожник», лично Стаалу и незабвенному Артуру Николаевичу, конечно.

Десятью верстами восточнее такой же отряд низкорослых коричневокожих стрелков выводили на позиции Стеценко, Панкратов и Лемешев. Западнее верховодили Вишневецкий и Демьяница вместе с каким-то лихим парнем из бывших лоялистов, Хлыновым.

Три недели, ровно столько продлилась подготовка кафров. Ровно столько же я в своё время успел поучиться в юнкерской школе – когда это было?.. И потому совершенно точно мог сказать – этого едва-едва хватало, чтобы стать мало-мальски годным солдатом. И совершенно недостаточно, чтобы превратиться в настоящего офицера. Я, например, так никогда им и не стал, оставшись тем, кем и являлся – рефлексирующим интеллигентом. Не было во мне той пресловутой военной «белой» косточки, такой, как например, в Вишневецком.

Дорог тут уже не было, только направления. Впереди двигались абиссинцы во главе с Тесфайе – наша разведка. Они сигналили зеркальцами с холмов, обозначая, что путь свободен. За ними поросшую чапарралем равнину топтали босые ноги кафров и сапоги их командиров-наставников – легионеров. А замыкали движение мощные гемайнские фургоны, с толстыми бортами, горчичного цвета тентами и высокими колёсами, обитыми кованым железом. Патроны, много патронов, и драгоценный пулемет, эта священная корова Перца и Фишера – вот что тащили работяги-мулы.

Мы все вкалывали как мулы, и я вспомнил своего товарища по несчастью, покойного Вольского, земля ему пухом. Двунogie мулы – так он и говорил. По спине мне лупил точно такой же, как и у всех кафров, вещмешок, битком набитый припасами, на плечо давила винтовка, по бедру шлёпала малая пехотная лопатка, чтоб её, а из-под фуражки текли соленые струйки пота, задерживаясь капельками на грязном носу и щеках, орошая страдающую от жажды сухую почву вельда.

Кафрам было хоть бы хны. Шли себе и шли, уминали пятками побеги кустарника и редкие травинки. Кажется, они даже не потели.

Как белые сахибы, мы могли бы ехать в фургонах. Но мы не были белыми сахибами-лаймами. А ещё могли бы гарцевать вокруг колонны на горячих жеребцах, но мы не были и бородачами-гемайнами. Мы имперцы и пехота, а потому месим землю вместе с этими молодыми ребятами, которые поглядывают на нас время от времени и одобрительно шушукуются.

– Это вы пехота, а я моряк! – скорбно затягивался папиросой Дыбенко. – Видал я ваши сапоги...

– А в тундре на лыжах рассекал и не жаловался, – утёр я пот со лба.

– Так там снег! Снег – та же вода, смекаешь? Вода моя стихия! – Его чуб спадал на лицо слипшимися прядями, но глаза глядели всё так же задорно.

– А вы по этой самой воде ходите, да-да-да...

Так мы балагурили, коротая вёрсты.

* * *

Сигнал от разведчиков поступил внезапно – заполошно засверкали зеркальца сразу с двух холмов по левую руку от движущейся колонны. Опасность! Кафры загалдели, принялись

оглядываться один на другого. И куда делась муштра и подготовка? Ни один из них так и не сообразил хотя бы сдёрнуть с плеча винтовку!

– Отря-а-ад! В шеренгу стройсь! – заорал я, надрывая связки.

Дыбенко уже бежал вдоль рядов, матерясь и тормоша низкорослых коричневокожих рекрутов. Ударил барабан, обычный кафрский тамтам, ритм на котором выбивал мой давний знакомец Кэй с подворья архиепископа Стааля.

– Р-р-рыба-колбаса-а, р-рыба-колбаса! – твердили, словно заклинание, себе под нос юноши-кафры, стараясь не сбиться с шага, выполняя сложный манёвр перестроения из походной колонны в боевые шеренги.

– Шибче, шибче, молодцы! Какой бы враг там ни скрывался, дадим ему свинца! – бодрили вчерашних огородников и пастухов ветераны-легионеры.

– Р-рыба-колбаса, рыба-колбаса...

Сначала показался столб пыли. Я даже подумал, что абиссинцы что-то напутали, и началась песчаная буря, но Тесу я доверял – он не стал бы сигнализировать подобным образом о погодном явлении. А потому...

– Гото-о-овсь!

Всё-таки муштра и склонность подчиняться вышестоящему начальству преодолели робость кафров. Замелькали в их руках винтовки, заклацали затворы. Я вгляделся в пыльную пелену и понял, что нам грозит через какие-то секунды.

Витые рога, раздутые ноздри, налитые кровью глаза, грохот десятков копыт – природная, всесокрушающая мощь! Львицы гнали стадо буйволов прямо на нас!

Разглядели это и кафры. Один, второй, начали оглядываться, кто-то бросил винтовку и побежал, и вдруг – бах! Грохнул одинокий выстрел.

Фишер, подслеповато щурясь из-под очков, опускал винтовку, покинувший строй солдат замертво лежал навзничь, прямо в кустах чапарраля. Вот тебе и Фишер!

Солдаты качнулись назад.

– А-а-а-агонь! – выдохнул Перец, и грохнул залп. – Огонь, огонь, огонь!

Я и сам стрелял вместе со всеми, прекрасно осознавая, что от кровавого месива на рогах и копытах огромных животных нас отделяют только свинец и порох. Пять патронов в обойме – залпы грохотали один за другим, буйволы спотыкались, львицы корчились в пыли. На расстоянии ста, семидесяти, пятидесяти, двадцати шагов они закончились.

– Будем с мясом, – кивнул Дыбенко. – Видал Фишера? Он всех нас спас.

Чёрт его знает, спас или не спас. Побежал бы один – побежали бы все? Не знаю. Знаю другое – Фишера придётся переводить в другой отряд или отправлять в империю.

* * *

На кострах жарили цельные окорока буйволов, жир капал на угли, шипел. Искры улетали в ночное небо. Мы дошли до ущелья Ланге гуут и остановились. Здесь нам нужно было выбрать рубеж для обороны и закрепиться.

Солнечные горы вздымались до самых звёзд, ярко светила луна. Фишер подошёл ко мне, шаркая ногами.

– Господин поручик...

– Да какой, к матери, поручик? И тем более господин. Садись, Фишер.

Мой старый соратник сел, снял очки и протёр их полой гимнастёрки, на которой застыли причудливым кружевом солевые разводы от пота.

– Осуждаете? – спросил он.

– Размышляю, какого чёрта мне с тобой теперь делать.

– Хотите – застрелюсь?

Он, кажется, не шутил. Доконала подносчика Фишера мирная жизнь.

– Не хочу. Поедешь к Вишневецкому, ладно? Я обещал ему три ящика патронов и пуд динамита. Разгрузимся, поведёшь фургон.

– Поеду! – кивнул он. – Знаете, что самое страшное? Мне не стыдно. Я бы ещё раз так сделал. И сделаю, если будет такая необходимость.

Я пожал плечами. Ну а что я мог ему сказать?

* * *

Каннибалы пришли через три дня. Мы как раз закончили первую линию окопов и выровняли бруствер, копали ходы сообщения для скрытного отхода за каменные осыпи в пятидесяти метрах за нами. Перегородили Кишку плотно – триста метров между двумя отвесными склонами, каждый высотой в четыре-пять человеческих ростов. Наверх взбирались только абиссинцы и Перец с Кэем, которого вахмистр взял в подносчики патронов вместо покинувшего нас Фишера. В тамтам барабанил теперь какой-то незнакомый парнишка. Справлялся, и ладно.

Тес рано утром притащил голову каннибала.

– Я убил его, когда он мочился рядом с термитником, – сказал абиссинец. – У нас говорят, мочиться рядом с термитником – плохая примета. Гляди, масса, это племя Тарантула – видишь, паутина на виске? Они рисуют такие перед походом. Дрянные люди.

Постепенно к моему костру подтянулись Дыбенко, Перец, остальные legionеры и хоофы – шефы, старшие из кафров. Их было человек двенадцать, остальные находились при своих десятках.

– Сюда движется передовой отряд, сотня воинов с ассегаями, не больше. Я спрятал тело в термитнике – они его не найдут, поэтому не насторожатся. Будут здесь к обеду. Надо сделать так, чтобы никто не ушёл.

– Сотня Тарантулов. – Кэй вздохнул, выражая опасения всех кафров. – Большая сила! Сотня каннибалов съедала две или три деревни, если приходила в Наталь внезапно!

– Вот и давайте сделаем так, чтобы в Наталья не пробрался ни один урод! – потрянул чубом Дыбенко. И вопросительно глянул на хоофов: – Чем Тарантулы отличаются от буйволов? А?

– Чем? – спросил один из них, неуверенно переминаясь с ноги на ногу.

– На них можно тратить меньше патронов! Давай! По подразделениям, кругом марш! Рыба-колбаса, рыба-колбаса!

Кафры приободрились. Всё-таки инцидент со стадом копытных пошёл всем на пользу. Наши стрелки должны были сдюжить. А вот выстоят ли ребята Стеценки и Вишневецкого – это был большой вопрос. С другой стороны, сволочь Стеценко застрелит не одного, а двадцать одного, если увидит, что бегство подчинённых угрожает его драгоценной шкуре. А к Вишневецкому ехал Фишер. Попахивало всё это скверно. Любая война пахнет скверно, с этим не поспоришь, но...

– Все по местам! Раздать патроны! Вахмистр, возьмите с собой десяток хоофа Пататы, занимайте позицию во-о-он там, и не смейте открывать огонь, пока Тарантулы не обратят тыл!

Я оглянулся на Дыбенку – он был формальным командиром всего этого бардака. Старшина благодушно смотрел на мои усилия и довольно ухмылялся, затягиваясь самокруткой. Его черёд придёт в бою – там, в огне, он в своей стихии. А вот планирование – это, по мнению чубатого вояки, лучше получается у меня. По крайней мере, именно это Дыбенко, слегка окосев, внушал мне после бутылки мадеры ещё в предгорьях.

– Накомандовался? – спросил он. – Хватит суетиться. Пошли, промочим горло. У меня на дне ещё что-то булькает.

Старшина достал из нагрудного кармана гимнастёрки плоскую фляжечку и пошевелил ею из стороны в сторону. И правда, забулькало. Я ненароком сглотнул – становлюсь латентным пьяницей?

Дыбенко понимающе ухмыльнулся. Белые зубы на его сером от пыли лице, заросшем густой чёрной бородой, смотрелись особенно ярко.

Глава 2. Давид и Голиаф

Воины племени Тарантула устроили свистопляску у входа в ущелье. Они носились туда-сюда меж камнями, потрясали своими исполинскими асsegаями, били древками о щиты, высоко подпрыгивали и истошно вопили, желая сбить с толку защитников Наталя. Стоит сказать, у них получалось. Кафры заметно нервничали, легионеры злились.

Да и выглядели каннибалы грозно – эдакие шоколадные молодчики под два метра ростом, мускулистые, раскрашенные как тысяча чертей. Один из них, с огромным плюмажем из страусиных перьев на голове, выбежал вперёд и бесстрашно устремился к нашим позициям. Нельзя было дать ему разглядеть, как тут всё устроено, и вернуться обратно!

На полпути каннибал остановился и принялся кричать что-то оскорбительное, размахивая асsegаем, а потом развернулся к нам спиной, наклонился и продемонстрировал свой афедрон, да ещё и повилял им туда-суда, чтобы оскорбить нас пуще. В ответ ему неслась отборная ругань имперцев и свист кафров, но своих мест никто не покидал.

– На бой зовёт! – услышал я голос Кэя. Юноша задумчиво глядел на кровожадного исполина, который продолжал потешаться над нами, а потом протянул руку: – Можно?

Я не сразу понял, что он просит мой револьвер. Зачем это он ему?

– Наши боятся, – сказал Кэй. – Надо показать им, что каннибалы ничем не отличаются от буйволов.

– А ты не боишься?

– Не боюсь! Я – человек Джа!

Наверное, у Тесфайе нахватался. Они здорово сдружились за время похода. С другой стороны, юный кафр служил в доме архиепископа, и там тоже, наверное, набрался всей этой ветхозаветной риторики...

Я пожал плечами:

– Держи. Только вот что: как только услышишь крик «Ложись», падай на землю и прижимайся к ней, как к родной матери! Понял?

– Так точно! – вытянулся в струнку рядовой Кэй, продолжая двумя пальцами держать револьвер в вытянутой руке.

Балбес!

– Что «так точно», кафрскую твою душу ети?

– Так точно – после крика «Ложись» упасть на землю и прижаться к ней как к родной матери! Разрешите доложить, командир!

– Разрешаю, докладывай. – Я устало потёр пальцами переносицу.

– Я матери своей не знал, меня тётушки воспитывали.

– Етиська сила, рядовой Кэй! – Меня переполняли разного рода эмоции, требующие словесного выхода, но воспитание не позволяло.

– Никак нет! Так точно! Не могу знать! Разрешите выполнять? – Кэй тарабанил по имперски уставные формулы почти без акцента, но чёрта лысого этот парень понимал, что именно он несёт. Солдат, однако!

Развернувшись на босых пятках, кафр чуть ли не вприпрыжку двинулся в сторону огромного каннибала. Тот и вовсе уже потерял всякий стыд – задрал набедренную повязку из какой-то пятнистой шкуры и тряс мудями в виду наших окопов.

– Какая, однако, скотина! – восхищённо сказал Дыбенко. – Я бы с ним раз на раз вышел... – И задумчиво поглядел на свои пудовые кулаки.

А что? Этот мог бы. Я видел старшину в деле не раз и не два – лютый боец. Наконец огромный каннибал увидел маленького кафра и расхохотался. Он тыкал в него пальцем и орал что-то явно оскорбительное, а потом воткнул асsegай в землю и принялся недвусмысленными

движениями таза и рук показывать, что именно намеревается сделать с Кэем, всей его роднёй и хозяевами-гемайнами.

А Кэй поднял револьвер, зажмурил глаза и выстрелил. Он выронил из рук револьвер – кафру никогда не доводилось стрелять из такого оружия прежде, и тут же, не дожидаясь команды, рухнул на землю, расставив руки и ноги во все стороны, словно бы пытаясь обнять каменистое дно ущелья. Балбес.

Чернокожий великан-Тарантул некоторое время стоял на одном месте, а потом с глухим звуком упал навзничь. Чёрт побери, Кэй попал ему прямо в рот! Вот тебе и балбес!

Аборигены как с цепи сорвались – ринулись в нашу сторону, ведомые жаждой крови и желанием расправиться с подлым кафром. Их рты были раззявлены в диком крике, ассегаи в напряжённых руках готовы сорваться в полёт, неся смерть и страдания. Ноги топтали каменистую землю, совершая гигантские прыжки...

Кэй сделал своё дело. Он показал маленьким и худощавым кафрам, как нужно поступать с огромными и страшными каннибалами. А ещё спровоцировал Тарантулов на яростную атаку. Яростные атаки – не лучшее средство против пяти сотен винтовок и одного пулемёта.

– Залп! – рывкнул у меня над ухом Дыбенко.

Ущелье заполнилось грохотом и запахом пороха, и через секунду стонами раненых и умирающих.

– Отря-а-а-ад!!! – Старшина решил окончательно обкатать кафрских добровольцев в деле. – Контратака!

Барabanщик влупил по тамтаму с удвоенной силой и кафры с какой-то мрачной решимостью полезли из окопов. Ну да, мы немного натаскивали их и на ближний бой тоже. Только ближний бой для этих маленьких и храбрых людей выглядел не так, как для свирепых бородачей-гемайнов, и уж точно не так, как для имперцев. Никакой резни, никакой штыковой. Стрельба в упор!

Они и стреляли в упор, делали шаг, перезаряжаясь и стреляя снова.

– Р-рыба-колбаса!!! А-а-агонь! – Имперские слова стали для них сакральными, они придавали сил и наполняли руки крепостью, а сердце отвагой.

Ну и ладно. Тоже мне, заклинания.

С диким воплем из-под горы трупов, как чёртик из табакерки, выскочил Кэй. Он был цел и невредим и бежал ко мне, чтобы отдать револьвер, который таки нашёл на поле боя.

* * *

– Еэр аан дие вадер, ен зин, ен дие хейлиге геес! – Кристиан Боота спрыгнул с седла и теперь оглаживал бороду и хлопал глазами. – Это что, кафры наворотили?

– Легионеры не сделали ни единого выстрела, минеер! – улыбнулся Дыбенко. – Каково, а? Пулемёт стоит во-о-он там, около белого камня. Он молчал всё время.

– А потери?

– Нет потерь.

– У вашего товарища, Стетсьенкоо, да? У него убито и ранено около сотни человек – там Тарантулам удалось подойти на бросок копья, и только пулемётчики дали возможность перегруппироваться и дать отпор. На западе дела не лучше, но везде мы отбились. Вы можете гарантировать, что никто из каннибалов не ушёл к своим?

– Нет, не могу... – помотал чубом старшина. – Тут пылюка поднялась, стрельба, неразбериха... Может, кто и ускользнул. Да и быть точно уверенным, что они в атаку пошли всем скопом, никого не оставив охранять тылы, тоже нельзя. Наверняка кто-то ушёл.

Боота грустно махнул рукой.

– Ладно! Крепите оборону, скоро к вам подойдёт подкрепление.

– Кафры? – усмехнулся старшина.

– Кафры, – кивнул гемайн. – Ну, я смотрю, вы своих кое-чему научили. Обменивайтесь опытом с соседями, нам всем предстоят тяжёлые времена. А вы, минеер военный советник, поедете со мной. У меня есть заводная лошадь, так что собирайте вещи, вас вызывают в посольство...

Оставалось только хлопнуть фуражкой по бедру от досады. Оставлять тут, на переднем краю, Дыбенку, Перца, даже Кэя и малышей-кафров было как-то неправильно.

* * *

Всё-таки кавалерист из меня препаршивый. Я натёр себе бёдра за четыре часа, и остальное время страдал. Пехота есть пехота. Моё призвание – топтать ногами землю. Ни лихие кавалерийские рейды, ни романтические дальние плавания, как выяснилось, мне не подходили. Ещё более-менее уверенно я чувствовал себя за рулём автомобиля, но нефти в Натале не было, а возить бензин за тридевять земель, чтобы покатасть некоего капризного военного атташе на чуть ли не единственном грузовике на тысячу вёрст вокруг, кретинизм редкостный.

Потому приходилось терпеть, скрипеть зубами и пялиться на невозмутимую спину минеера Бооты, который и в ус не дул, чувствуя себя в седле на лошади посреди пустыни как на роскошном диване. К счастью, на небе появились редкие облачка – нечастые гости в сухой сезон, так что стало полегче. По крайней мере, пот не заливал теперь глаза.

Лошадка, кстати, была моя старая знакомая – ушастенькая Зайчишка. Если бы не её добрый нрав, плавный аллюр и сочувственные взгляды, которые эта милая животинка бросала время от времени на страдающего меня, я бы точно плюнул и пошёл пешком.

– Взгляните! Если эти блооды скаам прорвутся через перевалы, в Натале их ждёт тёплый приём! – Боота указал ладонью на ближайший к нам крааль.

Это укреплённое поселение выстроил Луис, его старший сын. И неудивительно – население Наталя выросло за счёт риольцев, бежавших от освободителей-федералистов. Появились рабочие руки, демографическая ситуация позволила части молодых гемайнов, которых пока не призвали в коммандо, задуматься о собственном поместье.

Хотя этот конкретный крааль напоминал не поместье, а настоящий замок, выстроенный по всем правилам фортификационного искусства конца прошлого века. Возведённый из земли, бревен и обожжённых кирпичей, он представлял собой настоящий звёздчатый редут с восемью углами-люнетами. На каждом из них развевались флаги Наталя и дежурили подростки с винтовками, охраняя кафров, которые углубляли рвы у подножия бастioned и вкапывали в их дно заострённые колышки.

Конечно, сейчас редутов не строили, но по-другому защитить дома и хозяйственные постройки не представлялось возможным. Не селить же людей и скотину в блиндажи и землянки на постоянной основе?

Невдалеке сам Луис Боота, насупленный и недовольный, объезжал на горячем жеребце стадо коров. Завидев нас, он прищипорил коня и приблизился, сходу начав ругаться с отцом на гемайнском наречии. Как я понял, он возмущался по поводу того, что ему не разрешили уйти в коммандо на границу с Федерацией, в вельд. А Кристиан Боота объяснял надежде и наследнику, что его задача не менее важная, и тыкал пальцем в меня, мол, я могу пояснить лучше.

– Дамн йо! – ругнулся Луис. – Что он скажет? Что пристрелил парочку каннибалов? Я знаю этого имперца, он неплохой человек, но настоящие бои развернутся в вельде. Там будут рваться снаряды, скакать всадники, гореть земля, а я должен сажать кукурузу и бабиться с женой? Дамн!

– А ну-ка тихо! – рявкнул старый Боота, и его сын тут же как-то уменьшился в размерах. – Шаам! Шаам! Такие слова на отца? Если бы не малыши-кафры, здесь уже были бы сотни

Тарантулов с асsegаями! Кафры и наши союзники из иностранного легиона встали на их пути! А что будет, если к Тарантулам придут Скорпионы, Аспиды, Сколопендры и прочий блооди скаам из Сахеля? Что будет, если кафры дрогнут или погибнут все до одного? Кто защитит их семьи, защитит Наталь? Не знаешь? Я скажу тебе! Ты! Ты и другие первенцы, кого не взяли в коммандо. Вы наш последний рубеж! Или ты думаешь, что твой крааль один такой в предгорьях, что инженеры из Протектората начертили план только тебе? Густав Гёссер строится на семь миль западнее, Отто Бенхауэр на пять миль восточнее. Сколько у тебя людей, а?

– Полсотни юношей и стариков... – потупился Луис. Он уже понял, что был неправ.

– Полсотни гемайнов! Если кафры увидят, что кто-то из соседей осаждён, что сделают пять десятков гемайнов в тылу врага?

– Снимут пять сотен скальпов! – понимающе ухмыльнулся младший Боота.

Он явно повеселел. Вот ведь свирепый народ! Им бы в ветхозаветные времена жить, ей-Богу.

* * *

После отдыха в краале-редуте Луиса и странном общении с молчаливым инженером по фамилии Манштейн, которое заключалось в совместном распитии десяти чашек ройбоса на двоих и разговорах о лютневой музыке шестнадцатого века, я двинулся дальше в сопровождении мальчика-кафра на осле.

На лошадях кафры не ездили, а вот ишаков порой седлали. Мальчик ехал за газетами и лекарствами в Самарию, так что взялся меня проводить, поскольку оттуда до Капернаума, где расположилось имперское посольство, было рукой подать. За десять часов дороги и три привала этот пятнадцатилетний джентльмен здорово успел утомить меня своими разговорами о политике. Большого патриота и шовиниста, чем этот юноша, я до этого не встречал.

Он ненавидел лаймов так, как будто каждый из них самолично накормил его ослика гнильём. По словам кафрёнка выходило, что этих выходцев с туманных островов породил сам Вельзевул, научив их разнообразным грехам, и теперь главной задачей этих исчадий ада было совращать с пути истинного остальные народы. И первыми жертвами коварства островитян пали жители прибрежных городов, потому как выбрали своим архиепископом настоящего лайма.

– А жена его ведьма! Она варит зелье и из котла брызгает в облака, и потом идёт дождь из лягушек, – со знанием дела шевелил чёрными бровями этот эксперт.

– Что, и как зелья варит, видел?

– Не-е-ет, только дождь из лягушек! Прошлым сезоном ка-а-ак начали падать на землю, масса. Одна из них была такая здоровенная, что набила мне на голове шишку, вот тут! – И ткнул пальцем себе в макушку. – Но минеер Боота и архиепископ Стааль, и другие минееры победят всех нечестивых прибрежников, снимут их скальпы и обратят в истинную веру!

– Не сходится что-то, – покачал головой я. – Как же федералисты примут истинную веру, если будут без скальпов?

Мальчишка задумался и молчал остаток пути. Только у самой развилки между Эммаусом и Самарией он сказал:

– Пожалуй, не получится обратить их в истинную веру без скальпов. Значит, гореть им в аду, что уж тут поделаешь! Эммаус, это вон туда! – И потрусил дальше на своём ослике.

* * *

Я заподозрил неладное, когда увидел на крыльце посольства Феликса. Тут же забылись и мозоли на ляжках, и пустой трёп давешнего специалиста по внешней и внутренней политике.

Если прибыл ротмистр Карский – или в каком он там уже звании, – значит, меня снова пошлют. И дай Бог, чтобы путешествие было пешим и романтическим...

– А-а-а-а, вот и он! Пойдём, скорее!

Ни тебе здравья, ни до свидания.

– Куда ты меня тащишь, друг мой ситный? Всё это дурно пахнет!

– Дурно пахнут твои галифе после поездки на этом ушастом животном, а у меня для тебя личная просьба от Артура Николаевича.

– Не называй Зайчишку животным, это душа добрая и зело полезная. Просьба от кого? – не сразу сообразил я, – Твою ма-а-а-ать, Феликс, только не говори...

– Давай-давай, Уткин уже заводит мотор. Вот тебе саквояж, вот конверт, а вот мазь от потёртостей. Сарыч передал, помнишь такого? Ещё увидишься. Ну, всё в конверте, всё в конверте... – Он разве что пинками меня не подгонял. – Почитаешь в воздухе.

В каком, к чертям собачьим, воздухе? Что вообще всё это значило?

Через какие-то несколько секунд всё проявилось. На лугу за посольством некто Уткин в коричневом реглане, кожаном шлеме и очках-авиаторах заводит мотор двухместного биплана неизвестной мне модели.

– Давайте, давайте, опаздываем! «Голиаф» отправляется через три часа! – Он лихо впрыгнул в кабину и морщил губы, наблюдая, как я, кряхтя и стараясь не задеть стёртые бёдра, пытаюсь забраться на своё место.

– Давай, друг мой! На тебя надеется империя, Наталья и всё консервативное человечество! Не подведи! – Феликс снял с меня фуражку, нахлобучил шлем, повязал шарф на шею и отсалютовал по-пижонски, двумя пальцами от виска.

И с чувством выполненного долга спрыгнул на траву, скотина.

Я как раз пристёгивал ремни, когда вспомнил нечто важное:

– А куда здесь, простите, блевать, господин пилот?

Но пилот по фамилии Уткин не слышал меня в своём кожаном шлеме. Да и мотор ревел во всю мощь – аэроплан набирал ход по взлётной полосе, а потом оторвался от земли, сделал круг и помахал крыльями. Кажется, это он сделал зря – желудок мой пошёл на штурм, вознамерившись подчинить своему дурному влиянию все остальные органы.

Верите или нет, изгадить всю кабину мне помешало только хорошее воспитание. Я ведь должен буду торопиться на какой-то «Голиаф», который вот-вот отправится, и убирать всё непотребство придётся или Уткину, или человеку вовсе случайному! Допустить подобного я не мог, а потому крепился, сколько мог, и тупо пялился на выбитые при штамповке мелкие буквы на бортике кабины. Наверное, они обозначали фирму-изготовителя... или всё-таки модель самолёта?/ «DAVID» – вот что там было написано, и я пытался понять – это галлюцинации, или реальность на самом деле настолько абсурдна? А потом меня просто подкосило, и я, по всей видимости, уснул, повиснув на ремнях в самой причудливой позе.

Так что ни небесная синева, ни белые барашки облаков, ни удивительные пейзажи, открывающиеся с высоты птичьего полёта, меня не радовали – я спал и снов не видел.

Глава 3. Первый класс

Я держался молодцом даже после того, как очнулся во время приземления. Содержимое желудка в неравной борьбе превозмогло воспитание уже на траве аэродрома, после того, как мы сели.

– А вы ничего, – сказал Уткин. – Думал, вы мне всю вторую кабину испоганите с непривычки. Мы прибыли в Энрике-о-Навегадор, порт вон там. Хватайте саквояж, ловите пролётку и мчите в гавань – у вас есть полчаса, пока посадка на «Голиаф» не окончилась. И шлем отдайте.

Утерев рот платком, я проводил взглядом его спину в кожаном реглане. Он снова орудовал вокруг аэроплана, пытаясь завести мотор. Какой-то невероятный запас хода у этого «Давида»! Хотя наверняка у конторы, к которой принадлежат и Феликс, и Уткин, где-нибудь за во-о-он теми холмами имеется база и аэродром подскока.

Пилот наконец справился с мотором, не спрашивая ни у кого разрешения на взлёт, взобрался в кабину, махнул рукой на прощание и, аккомпанируя себе рёвом двигателя, скрылся в небесной синеве. Улетел, да и чёрт с ним. Скучать не буду, хотя вроде бы мужик он неплохой.

– Мистер, мистер, вы тот пассажир, что опаздывает на лайнер? – тормошил меня за плечо пожилой мулат в светлом мятом хлопковом костюме. – У меня есть двуколка, за четвертак довезу.

Бог его знает, какая валюта у них в ходу, в этом Энрике-о-что-то-там... Эскудо, наверное? Есть ли в саквояже, который передал мне Феликс, эскудо, я понятия не имел. А потому, пошарив по карманам, извлёк оттуда несколько потёртых серебряных монет неясной принадлежности и показал их смуглому мистеру.

– Пойдёт?

– Давайте их сюда! – протянул он сразу обе руки.

– После поездки, – отрезал я.

Мулат погрузился и зашагал через поле мимо дощатого одноэтажного здания, которое, видимо, выполняло здесь роль аэровокзала. Глядя на пошарпанную двуколку с несколькими поломанными спицами в колёсах и запряжённой в оглобли ледащей кобылёнкой, я с затаённой грустью вспомнил Зайчишку и крепкие фургоны гемайнов.

– Н-н-но, дохлая! – Мулат изъяснялся на пиджин-лаймиш, и кобылка его, по всей видимости, понимала.

Я тоже понимал. Приходилось слушать трёп о храбрых конкистадорах, которые отвоевали сей благодатный полуостров у каннибалов и выстроили тут замечательный город Энрике-о-Навегадор в честь какого-то мореплавателя, который ни разу не совершил ни одного дальнего плавания. Построили форт – вон тот, с десятью круглыми массивными башнями, собор – этот, с горгульями на верхнем ярусе и окном-розой. Вообще-то городок был симпатичный: мощёные улицы, слегка облупленные светлые домики меж апельсиновых рощ, приличная центральная площадь, магистрат и рынок. И люди деловитые, работающие – здесь подкрашивают, там подстукивают, что-то куда-то тащат, суетятся.

Но всё это провинциальное обаяние меркло перед громадиной «Голиафа», который стоял на якоре в бухте уже под парами. Огромный четырёхтрубный океанический лайнер длиной не менее трёхсот метров и высотой двадцати, от ватерлинии до шлюпочной палубы, он заполнял собой всё пространство и, казалось, был больше всего Энрике-о-... вместе с мулатом, кобылой, аэродромом и рыночной площадью.

– Деньги, деньги! – пошевелил пальцами мой добровольный извозчик.

Я сунул ему монеты и зашагал по набережной к пирсу, туда, где качался на волнах паровой катер с лайнера. Едва не срываясь на бег, растолкал мастеровых и моряков с парусных судов, стоящих на рейде, и приблизился к подтянутому молодому человеку в форме. Он сме-

рил меня удивлённым взглядом. Ну да, сначала сутки в седле, потом сумасшедший полет на биплане свежести и представительности не добавляли. А потому гримаса на лице моряка была вполне обоснованной.

– Сейчас-сейчас, – сказал я и полез в наружный карман саквояжа. Документы и билет должны были быть именно там. Новомодные книжечки-паспорта появились не так давно, но были довольно удобными – форматные листы гербовой бумаги, использовавшиеся последние сотни две лет, постоянно мялись и рвались. Нашупав наконец глянец обложки, я потянул документ наружу. Вот оно как! Я нынче имею вид на жительство Винланда? Однако... А вот имя и фамилия вполне имперские, как и паспорт. Нужно будет изучить легенду, а то так и проколется недолго!

Протянув паспорт со сложенным внутри билетом, я наконец получил возможность отдышаться.

– Первый класс? – удивлённо проговорил флотский и снова критически меня оглядел. – Прошу на борт, сэ-э-эр!

Катер уже был забит битком, и после меня на борт взошла только семья буржуа: почтенный полненький господинчик, похожий на арелатца или апеннинца, его сухопарая супруга, две девочки лет пяти-семи и гувернантка. Они тоже должны были путешествовать первым классом, иначе чёрта с два «Голиаф» стал бы задерживаться. Я уселся на одной из лавок поближе к борту. Это было практично, учитывая мои неопределённые отношения с морской болезнью.

– Что, браток, не фартануло на приисках? – шмыгнув носом, произнёс мужичок полукриминального вида, наклонившись к самому моему уху. – Или ты из вояк?

Я неопределённо пожал плечами. Интересно получилось. Как пассажир первого класса я мог бы претендовать на удобное мягкое кресло на носу катера, рядом с важными дамами и господами, а уселся всё равно здесь, среди дебелых тёток, таких вот типов и целых семейных кланов с детьми, бабушками, клунками и котомками.

Судёнышко наконец отчалило. Борт «Голиафа» постепенно становился всё ближе и ближе.

* * *

Никогда мне не доводилось чувствовать себя зажиточным. Интеллигент, если хотите разночинец, в предках которого числились исключительно врачи, учёные, преподаватели, мошенники, грабители и лучшие женщины в мире, я всегда чувствовал себя неловко в окружении золотой лепнины, бархатных кресел и вычурных светильников. Даже в бытность адъютантом его превосходительства, этой роскоши я не вкусил – Артур Николаевич жил скорее как отставной полковник или профессор университета средней руки, чем в стиле самовластного правителя одной из величайших держав современности. Впрочем, Крестовский никогда и не был сатрапом и деспотом, решал вопросы за рюмочкой чаю, в спокойной обстановке беседуя с такими же великими стариками, как и он сам.

А вот теперь я мог почувствовать себя на самом деле по первому классу! Каюта была обставлена по-барски. «Дорого-богато», – сказал бы Стеценко. Ну вот на кой чёрт мне такая кровать? Я сразу отверг идею спать на этом чудовище с балдахином, определив своим местом обитания замшевый диванчик вполне подходящих габаритов. И для начала вывалил на него всё содержимое саквояжа. Стоило привести себя в порядок и переодеться.

Меня ведь и на борту «Голиафа» чуть было не отправили в трюм к третьему классу – по одежке встречают, как бы это ни было банально. Только вмешательство второго помощника капитана (это он встречал пассажиров на пирсе Энрике-о-Навегадора) исправило недоразумение. Сей достойный моряк максимально корректно порекомендовал мне одеться подобающе или воспользоваться корабельным магазином готового платья – таковой тут имелся. А старшая

горничная Натали отличная портниха и за денежку малую вполне способна подогнать костюм по фигуре. Она вообще очень способная, но это так, как мужчина мужчине, строго конфиденциально...

Теплилась обоснованная надежда, что контора в лице Феликса позаботилась о гардеробе, и я мигом убедился в этом. Среди груды сорочек, брюк, штиблет и исподнего радовала глаз «олива», парадная форма поручика корпуса пограничной стражи. И отличные яловые сапоги. Если б я собирался делать карьеру военного, то стал бы пограничником.

На кителе сверкали ордена. Мои ордена! Полный бант Серебряного креста, даже тот, который я так и не принял – первой степени, за миссию в Новый свет. Вот ведь черти, знают, что я не люблю всей этой показухи и никогда не выставлял напоказ... Ну, да Бог с ними, первый класс, нужно соответствовать. Однако если поручик пограничной стражи, то какого чёрта документы с Винланда? С этим нужно было разбираться.

Ощупав подкладку саквояжа, нашёл два сюрприза: второе дно и папку с бумагами у боковой стенки. На дне лежал стандартный армейский револьвер, отличный раскладной нож и плоская фляжка, в которой что-то булькало. А что касается папочки... «Перед прочтением сжечь, потом съесть пепел и снова сжечь» – было наискосок написано на картоне почерком Феликса. Юморист, м-м-мать.

Раздался стук в дверь. Я мигом набросил на всё барахло покрывало и обернулся. В каюту заглядывала приятная молодая женщина и вежливо улыбалась, демонстрируя ямочки на щеках.

– Меня прислал мистер Тон, второй помощник. Он сказал, у вас есть проблемы с гардеробом...

– А-а-а-а, вы Натали, да? Мне, право, неловко, но вот этот наряд дорог мне как память, – я оглядел своё хаки без знаков различий. – Подскажите, куда я могу...

– А давайте я сразу заберу? Снимайте, я отвернусь! Банный халат в шкафу. Ванна вон там. Как горячую воду включать знаете? – без тени смущения проговорила она.

Какая, однако, бойкая натура!

– С водой я разберусь. Что ж... Если обещаете не подглядывать...

Не бог весть что, но светить протёртым и пропотевшим исподним мне явно не улыбалось. Стянув сапоги, мигом разделся, вывернул карманы гимнастёрки и галифе, доставая всякие полезные мелочи, тут же отправил подштанники и белугу в мусорную корзину. Вот уж о чём жалеть не буду – две недели их таскал, один раз едва простирнул в речке, а потом ещё эти клятые прогулки верхом...

Накинув халат и обернувшись, я ошарашенно глянул на Натали, которая беззастенчиво всё это время, оказывается, разглядывала мои не слишком впечатляющие стати и мой афедрон тоже.

– А вы ничего! Поджарый, жилистый... – сказала она, забрала хаки и вышла за дверь.

Да что это такое? Я чувствовал, что лицо у меня горело, как у красной девицы на выставке. Следующие полчаса я отмокал в огромной медной ванной, так что цвет моего лица никого смутить не мог. Горячая ванна после долгих недель походной жизни – это настоящее блаженство! Правда, щипало стёртые седлом ляжки – ну и чёрт с ними, с ляжками.

А дверь в каюту закрыл на оба замка и ещё придвинул стул, которым подпёр ручку. Папка и револьвер лежали тут же, на тумбочке под умывальником.

* * *

Морская болезнь то ли испугалась габаритов «Голиафа», то ли полученная на «Гленарване» прививка от сего недуга была вполне достаточной, но так или иначе, я чувствовал себя

вполне прилично. А потому прямо в банном халате на голое тело расположился на диванчике с папкой в руках.

Пробиваясь сквозь канцеляризмы и официальщину, я сосредоточился на главном. Мне предстояло разыскать пятерых человек. На Сипанге или на окрестных островах – как повезёт. Бумаги шли двумя пачками, на двоих и троих, и, скорее всего, искомые люди должны были держаться именно таким образом. Обо всех них я читал в газетах – ещё тех, лоялистских. А лоялистские газеты – это такое странное явление... В общем, прочитанное в них стоило делить на два, потом извлекать из полученного квадратный корень и после этого использовать по назначению. Например, рыбу заворачивать. Но, как оказалось, и Лось, и Гусев, и даже Пётр Петрович Пьянков-Питкевич с таинственной мадам Софией Ламоль, все они действительно существовали. И, по мнению специалистов конторы, были живы. Незвестным для меня оставался только Манцев.

Я принялся разглядывать первую парочку: Лося и Гуся. Тьфу ты, чёрт – Лосева и Гусева... Ах, мать – Мстислава Сергеевича Лося и Алексея Ивановича Гусева, чтоб их! Насколько я помнил, первый был инженером, настоящим фанатиком от науки, грезящим ракетами и космическими полётами. С седой густой шевелюрой, довольно красивым и аскетичным лицом и фигурой спортсмена, он выглядел профессиональным мучеником от науки. Второй, его напарник, выглядел как типичный, даже гротескный уполномоченный республики Ассамблей. На усатой физиономии этого гуся клейма негде было ставить. Сразу видно – сорвиголова, бузотёр, смутьян. Про таких Новодворский сказал как-то: «Мы делаем ставку на сволочь!» Смуглое усатое лицо, солидные залысины, чуть раскосые глаза смотрят дерзко и вызывающе... Опасный!

Лось, как свидетельствовало досье, таки построил на средства республики свой летательный аппарат, что-то вроде гигантской ракеты, которая приводится в движение силой взрывов некоего таинственного вещества ультралиддита, и даже решился на рискованный эксперимент – вместе с Гусевым стартовал с поверхности земли и полетел на Марс. По крайней мере, лоялистские газеты писали именно так. И вот теперь он нашёлся на Сипанге. Адрес прилагается. Контору интересовало по большому счету только ракетное топливо – чудовищной силы взрывчатка. Сами отважные космические конкистадоры – не особенно, их аппарат, и его чертежи тоже. Мол, по возможности в тесный контакт не вступать, сообщить резиденту о точном местонахождении, физическом и психическом состоянии обоих. Может быть, исчерпывающие сведения об изобретениях Лося и так уже имелись в архивах имперской канцелярии, Бог знает... А вот ультралиддит им был нужен. И приписка Феликса на полях гласила: «Ты знаешь, зачем». Я, кажется, знал.

Пьянков-Питкевич – классический Мефистофель с той самой бородкой предателя нации, прославился в своё время тем, что обрушил цены на золото в Сипанге, развернув горнодобывающую деятельность на одном из тропических островов и выбросив на рынок огромное количество слитков в течение нескольких дней. Мадам Ламоль, первая красавица Арелата, как говорят, была настоящей пираткой и любовницей этого геолога-энтузиаста, а Манцев... Чёрт его знает, кто такой Манцев. Документы гласили, что он долгое время занимался исследованиями сопот и вулканической активности в районе Нового Света, но в мою бытность каторжанином Кир Кирыч ни о каком Манцеве не упоминал, и другие сидельцы-работяги тоже. Совершенно невзрачный тип, какого легко встретить и на крыльце занюханного кабачка, и за преподавательской кафедрой. По таким очень сложно понять, кто они есть на самом деле и что у них на уме. Касаемо этой тройки – контору интересовал не способ добычи золота и даже не буровое оборудование удивительной мощности, а некие горючие угольные пирамидки с добавлением таинственного вещества «серафит» и ещё таинственные трубочки с паралитическим газом. И формулы и технические характеристики обеих этих штуквин по возможности.

Дела-а-а-а... То есть у меня не возникало никаких вопросов, почему обе эти компании оказались на Сипанге. Тамошний климат был весьма благотворным для подобных личностей. Правили этим обширным островом, почти континентом, торгово-промышленные синдикаты, такие, например, как «Анилин Роллинг компани» или «Джордано моторс индастриз». И им было совершенно наплевать, что пьёт, с кем спит и кого расчлняет работник в свободное от служебных обязанностей время – главное, чтобы он выполнял контракт. Хозяева синдикатов платили бешеные деньги за достижения прикладной науки и предоставляли для экспериментаторов самое лучшее оборудование и оснащение. Конечно, только в том случае, если научные труды могли принести прибыль. За неудачу, правда, чаще всего приходилось расплачиваться головой – своей и головами коллег тоже. Но это вполне устраивало таких фанатиков, как Лось. А нуарная обстановка пира во время чумы и возможность половить рыбку в мутной воде вполне нравилась всяким перелётным гусям вроде Гусева и Пьянкова-Питкевича...

Как всегда, основной вопрос звучал в моей голове так: «Почему опять я?» У конторы что, оперативников не нашлось поприличнее? Или снова ловят на живца, играют втёмную? Я сойду такой красивый с «Голиафа», начну расспрашивать-вынюхивать, и мне на хвост сядут... А на хвост тех, кто сядет ко мне на хвост, тоже сядут, да? Это можно было принять как рабочую гипотезу. Родина сказала: «Надо»...

Мой желудок заурчал. Ему тоже было надо.

Глянув на часы, я невольно улыбнулся. Близилось время ужина, моего первого выхода в высший свет «Голиафа». Врун из меня ужасный, и в конторе это знали. Именно поэтому тут лежала военная форма с погонами поручика. И именно потому я вовсе не собирался скрывать, что работаю на «Подорожник», «Курьер» и ещё парочку других изданий. Нужно было произвести впечатление и при этом умудриться набить брюхо.

Задача, что и говорить, нетривиальная!

Глава 4. Светское общество

На сцене играл джазовый оркестр. Джаз и блюз – изобретения буйных интернациональных трущоб Сипанги. При всём моём настороженном отношении к этому острову контрастов, музыка у них что надо. Тем более в исполнении мадам Изабеллы Ли. Жгучая креолка с гремучей арелатско-абиссинско-сипангской кровью в жилах, возрастом далеко за сорок, очень харизматичная, полная природного магнетизма, по-настоящему красивая женщина. Она не прятала свою седину, почти не пользовалась косметикой, носила платья в пол и пела так, что в конце каждой песни хотелось аплодировать стоя или плакать навзрыд.

Музыканты были ей под стать – такие же смуглые, с горящими огнём глазами, виртуозные и шикарные. Ради одного этого джаз-блюз-бэнда стоило мчаться сюда на аэроплане и стирать бёдра в кровь верхом на лошади. Так что ужины я посещал регулярно. А ещё – шахматный салон, но это разговор отдельный.

Вечером в корабельном ресторане собирался весь высший свет «Голиафа». Первым классом путешествовало человек пятьдесят из возможных трёхсот, и к услугам этих дам и господ были все возможные удобства: вышколенные официанты, шеф-повар из Лютеции, деликатесы и вина, шикарный интерьер и даже сам капитан Шиллинг, который попеременно присутствовал на трапезе в каждой из пяти секций этого гигантского по корабельным меркам храма эпикурейства и гурманства. Такие секции, огороженные ширмами, украшенными позолотой и причудливыми вазами с пышными экзотическими цветами, нужны были для того, чтобы пассажиры могли разбиться на группы по интересам и не мешать друг другу.

Например, ближе всего к сцене с музыкантами и певицей расположились представители деловых кругов Такелмы – округа на юге Сипанги, промышленность которого специализировалась на изготовлении сублиматов и консервов. Наверняка они возвращались из коммерческой поездки в Протекторат – тевтоны пытались диверсифицировать поставки продовольствия, а почвы восточных провинций Сипанги были чернозёмными, ничем не хуже земель имперского юга.

Чуть дальше в режиме бесконечного праздника проводила время тесная и шумная компания молодёжи – они отмечали медовый месяц парочки лаймов-аристократов с лошадиными улыбками. Кажется, молодая была чуть симпатичнее своего супруга, но утверждать наверняка было сложно – слишком большой слой макияжа нанесён на её бесцветное продолговатое лицо.

Ещё одна секция была занята группой выпускников военной академии Паранигата – кузницы офицерских кадров для частных военных кампаний Сипанги. Подтянутые атлетические молодчики с короткими стрижками отмечали конец долгой учёбы и стремились нагуляться перед месяцами боевой работы. Официанты отлетали от их столиков взъерошенные и с выпученными глазами, горничные в их крыло старались не заглядывать и прибирались в каютах, тысячу раз убедившись, что пассажиры отсутствуют, сильно заняты и не вернуться в ближайшее время.

Исключительным аппетитом и кричащей роскошью отличалось собрание дам непонятного возраста в удивительных нарядах, со странного цвета волосами, уложенными в диковинные причёски. Их драгоценности сверкали тысячами огней, стол был уставлен невероятным количеством жирной и жареной пищи. Однажды они заказали целого молочного поросёнка, запечённого в яблоках, в другой раз – лебедя, фаршированного соеями, которые были фаршированы орехами. Спиртные напитки на их столе были представлены всем спектром, от тевтонского пива и арелатских шипучих вин до банальной имперской водки наивысшего качества. Они употребляли всё это в невероятных количествах, сдабривая разговорами о делах давно минувших дней, преданьях старины глубокой.

А моими непосредственными соседями оказались пассажиры, не входившие ни в один из этих почти замкнутых кружков.

* * *

– На что вы там так пристально смотрите, поручик? – Вальяжный тенор Весты прервал мои размышления.

– Радуюсь состоянию пищеварительной системы вон тех милых дам. Удивительные у них способности!

– Никакого секрета тут нет. Выходят в галлюин и щекочут себе горло павлиньими перьями, как древние беотийцы.

Джон Веста был уроженцем Сипанги, писаным красавцем и джентльменом явно не простым. Я бы поставил сто против одного, что он или частный сыщик или работает на какую-нибудь разведку. Например, занимается промышленным шпионажем. Недаром же сей субъект вьётся вокруг такелмских денежных мешков? Но выглядел он всегда на все сто, этого у Весты не отнять. Зеленоглазый, широкоплечий, узкобёдрый, с лихим набриолиненным зачёсом чёрных как смоль волос и тонкими щегольскими усиками над верхней губой. И двигается с такой хищной грацией, какая бывает только у матёрых кулачных бойцов или фехтовальщиков. У меня, например, такой нет.

– Что у нас сегодня? Перепела? Фу, одна морока... Ненавижу плевать костями, – сказал он, пытаясь взять панибратский тон. – То ли дело хороший стейк с кровью? Да под настоящий коннахтский стаут...

Веста явно пытался меня прощупать, уже третий день подряд. Подсаживался поиграть в шахматы, предлагал сигару, приглашал составить компанию в покер. Однако мат он ставил мне ходов за десять – я поддавался, а он обожал выигрывать. Курить я не курил, и к картам был равнодушен. И вот теперь новый заход.

– Так что, поручик, взгреем официанта? Пусть принесут еду, подходящую для настоящих мужчин! – махнул рукой он. Рукав его двубортного пиджака пролетел в опасной близости от соусницы.

– Те настоящие мужчины, которых я знал, были весьма неприхотливы в еде, – наконец поддержал беседу я. – Лазаревич, например, говорил, что всё, что попало в котёл и шевелится, – протеины, не шевелится – витамины, скрипит на зубах – минералы.

– Этот ваш Лазаревич тоже боевой офицер? – поднял красивую бровь Веста.

– Нет, коммерсант. Был, – отрезал я и склонился над перепелом.

Рыбу, птицу и девицу берут голыми руками, говорите? За что тут братья-то?

Музыканты взяли за инструменты, первые медные аккорды принялись кружить по залу. Пассажиры ухватили столовые приборы и с новой силой принялись за еду. Интересно, каково это – выступать перед жующими людьми?

Когда Изабелла Ли запела, я отложил перепела в сторону и прикрыл глаза. Это было чудесно, пусть я и понимал слова с пятого на десятое, уж больно интересный говор она использовала, исполняя авторские композиции. Наверное, что-то местечковое.

Идиллию прервал нарочито-возмущённый молодой женский голос:

– Гарри, убери от меня руки, грязное животное!

Ну, началось. Эта парочка всех уже здорово допекла. То ли молодожёны, то ли любовники. Записаны они были под фамилией Вильсон, Гарри и Барбара Вильсон. Экспентричные, по всей видимости, в средствах не ограниченные, дёрганные, истеричные... Нуар, богема и всё такое.

Бледная тонкая ладошка Барбары прилетела прямо по гладко выбритой щеке Гарри, издав звонкий шлепок. Молодой человек ничтоже сумняшеся размахнулся и вlepил пощёчину

ей в ответ, а потом схватил за талию и притянул к себе. На мгновение они слились в страстном поцелуе. Вот это любовь, да? Нет.

Оторвавшись от возлюбленной, Гарри щёлкнул пальцами:

– Вина! Вина, официант, чёрт бы вас побрал!

Интересно, я один заметил в разрезе коктейльного платья Барбары шлейку от набедренной кобуры для скрытого ношения оружия? Причуды богатых или?.. По крайней мере, Веста пялился на вырез немного повыше.

Наша секция постепенно заполнялась. Пришла вдова Моррис – пожилая строгая женщина, сангвинический живчик – доктор Сартано, жёлчный и скупой мсье Роше, в высшей степени благовоспитанные и приятные сёстры Медоус из Альянса и какой-то нихондзин в цивильном костюме, который смотрелся на нём так же уместно, как я на лошади верхом. Он явно привык к совсем другой одежде. И фамилия у него была забавная – Егучи. Егучи-сан.

Этот Егучи с Вестой поглядывали друг на друга с подозрением. Хотя, учитывая специфический разрез глаз нихондзина, было похоже, что он на всех поглядывает с подозрением.

– Бон аппетит! – сказал доктор Сартано и устроился за своим столиком.

– Пойдём танцевать, милый! – Барбара Вильсон потянула Гарри из-за стола.

Это значило, что нам всем предстоит что-то вроде парного стриптиза, хотим мы того или нет. Раз-другой это было даже пикантно, но потом – просто противно. Хотя, стоит признать, я на них пялился, да. Но не потому, что меня привлекали весьма сомнительные прелести миссис Вильсон, а из-за кожаной шлейки на бедре. На кой чёрт им оружие? Так же, как и я, что-то скрывают?

Вдова Моррис демонстративно поднялась со своего места и сказала официанту:

– Принесёте мне ужин в каюту!

Под самой сценой извивались Вильсоны. Кажется, даже Изабелла Ли смотрела на них неодобрительно.

* * *

Куда Вильсоны не ходили, так это в шахматный клуб. То есть клуба на самом деле никакого не было. Если погода позволяла, несколько досок ставили на верхней палубе под навесом, и любой желающий из первого или второго класса мог прийти сюда поиграть. Если бы у меня был выбор, я бы лучше переселился во второй класс. Инженеры, бизнесмены средней руки, учителя, врачи, журналисты и авантюристы – вот публика по мне. А высшее общество... По крайней мере, на этом корабле от него пахло гнилью.

Я устроился на лёгком угловатом стуле и высыпал на столик простые деревянные фигуры. Доска была потёртой, видавшей виды, и мне это нравилось. Со стуком расставляя пешки, пытался угадать, кто окажется моим соперником сегодня. Нет, я не был большим знатоком игры и великим шахматистом и чаще всего проигрывал. Не умел я думать на множество ходов вперёд, просчитывать варианты. Делал ставку на одно масштабное наступление, а там – куда кривая выведет. Всё как в жизни. Потому я поручик, а не генерал. И да, в новой имперской армии имелась пара-тройка генералов моего возраста.

– У вас свободно? – спросил доктор Сартано.

Я кивнул, с удовлетворением отметив скривившуюся физиономию Джона Весты, который вышагивал через палубу с двумя бокалами мартини в руках, явно намереваясь всё-таки вывести меня на разговор. Ненавижу мартини и не доверяю Весте. Лучше уж доктор.

Он был вроде как апеннинцем, из Медиолана, и, вопреки стереотипу о жителях этих благодатных, но беспокойных земель, не был ни кудрявым, ни черноволосым. Невысокий лысеющий шатен, лучащийся энергией, всегда хорошо одетый и приятно пахнущий, он зарабатывал огромные деньги врачеванием сильных мира сего. Деньги становились тем большими, чем

более неприлично было говорить в светском обществе о заболеваниях, на которых специализировался доктор Луиджи Сартано. Вот и сейчас его выписал в Сипангу некий неназванный миллиардер. И даже оплатил билет первым классом! Интересно, почему не выслал личный дирижабль? Современные цеппелины вполне были способны пересечь океан с двумя-тремя дозаправками на островах.

– Ну что, сегодня я белыми? – Он примостился на стульчик, не забыв подложить предусмотрительно захваченную из каюты подушку.

Сартано вообще был большим любителем комфорта. Он и со мной-то играть садился, чтобы поправить свою самооценку после разгрома от Роше или капитана Шиллинга.

– Нет проблем, доктор, – перевернул я доску. – Ходите.

Мы дышали морским воздухом, стучали фигурами по доске и перебрасывались ничего не значащими фразами, пока Сартано наконец не спросил:

– Почему вы больше не надеваете мундир? Вам очень к лицу! Стесняетесь? Вы произвели сокрушительное впечатление на дам, когда заявили в первый день в этой оливковой форме с таким внушительным иконостасом на груди. Выбросили флаг, а потом всё?

– Нужно было ведь произвести первое впечатление, верно? А теперь мне и в свитере неплохо.

Свитер, кстати, был отличный: крупной вязки, шерстяной, с брезентовыми вставками. Отлично сочетался с любыми штанами и сапогами и грел душу. Мне его предложила Натали по сходной цене, когда возвращала вычищенное, починенное и отмытое хаки. Она, оказывается, ещё и вязала!

– Это ведь не мундир имперской армии, верно? – Сартано сожрал одну из моих пешек и перешёл в наступление.

– Это форма корпуса пограничной стражи, – кивнул я и сделал рокировку.

– Я что-то слышал про имперских пограничников. Вы не участвовали в войне, да?

– Мы защищали границы родины от бандитов, наркоторговцев и контрабандистов. И продолжаем это делать.

– Но здесь, на «Голиафе», в Энрике-о-Навегадор и в Винланде нет имперских границ!

А он навёл обо мне справки! Наверняка имел беседу со вторым помощником – кроме него никто мои документы не разглядывал. Не считая билета, естественно. Пришлось отвечать в соответствии с легендой:

– Границ нет, имперцы есть. Я участвую в программе по репатриации, пытаюсь вернуть эмигрировавших специалистов на родину. Почему этим занимаются пограничники? Как вы верно заметили, мы не участвовали в войне. Поэтому с нами более охотно общаются и те, кто сбежал от республики в самом начале, и сами лоялисты тоже. Если б я носил чёрную форму преторианца, народ шарахался бы, как чёрт от ладана, верно?

Сартано усмехнулся:

– Однако, логика... Ну да в логике что вашей хунте, что новым имперским властям не откажешь. В правительстве у вас сидят неглупые люди, а молодой император не строит из себя всезнайку и наместника Бога на земле и слушает специалистов.

– Именно. И ради этих самых специалистов я здесь и нахожусь.

Он поставил конём вилку и выбил из игры одну из моих ладей. Вот ведь проходимец! Ну, ничего, настало время для решающего удара – или пан, или пропал! Мой мощный правый фланг, укреплённый ферзём и второй ладьёй, перешёл в атаку, и Сартано на некоторое время замолчал, пытаясь выработать ответную стратегию. На доске стало пусто, появился оперативный простор.

– А вы по политическим взглядам кто, поручик? Монархист, республиканец? Как у вас с этим в корпусе? Я, например, либертарианец. Устройство Сипанги кажется мне наиболее эффективным. Отпустите вожжи бизнесу – и невидимая рука рынка порешает большинство

проблем общества. Действуя по законам выгоды, предприниматель волей-неволей работает на благо окружающих.

Я прикрыл глаза и вспомнил чумазных малолетних рабочих на рудниках северо-востока, синих от голода жителей столицы и спекулянтов, задирающих цены во время неурожая семилетней давности. Невидимая рука рынка? Ну-ну... Так случаются социальные революции. А вслух сказал:

– Нет такого преступления, на которое не пойдёт капитал ради прибыли в триста процентов...

– Это кто сказал, Новодворский? Вы что, социалист?

– Это сказал один из лаймовских профсоюзных лидеров. А я пессимист.

– Пессимизм – это состояние души, а не система политических взглядов! – Сартано был доволен, он загнал моего короля в угол, но не видел грядущей вилки, которая угрожала его ладье или ферзю.

– Ну почему же? Считаю, что хороший политик и хороший человек – понятия несовместимые, – вещал я, уничтожая фигуры доктора одну за другой. – И в принципе не надеюсь на то, что та или иная государственная машина или политическое учение могут кого-то осчастливить. Задача любого государства – защищать самое себя. Задача любой политической партии – захват, удержание и использование власти для реализации собственной программы. Государство – слуга народа? Какая дичь... Общественный договор – миф! Никто ни с кем не договаривался. Есть чудовище, которое мы кормим, чтобы оно защищало нас от других чудовищ – например, ваших волшебных бизнесменов, и при этом не сожрало нас с потрохами. Вот и всё.

– Выходит, вы служите чудовищу? – Он приуныл, оставшись со своим королём и двумя лёгкими фигурами.

– Получается, так. Но моё чудовище говорит на понятном мне языке, не строит из себя зайчика и в данный исторический период наконец занялось заботой о нас, грешных, ибо почувяло, что скоро жрать будет некого. Стадо нужно подрастить, откормить и пополнить свежими овечками и баранами, чем я и занимаюсь. И вполне осознанно – на нашем лугу подросла зелёная травка, и пастух симпатичный, на скрипочке играет, а псы дрессированные и кусают только самых тупых баранов. – Играть роль жёлчного пограничника мне даже нравилось.

– Вы говорите жуткие вещи! – Луиджи Сартано видел, что проиграл, и потому расстроился. – Я требую реванша – и в беседе, и в игре. Думаю, мне удастся вас переубедить. Вот только прибудем на Сипангу, и я вам там всё покажу...

А вот это было очень кстати!

– С превеликим удовольствием, доктор. Ловлю вас на слове! – Апеннинец погрозил пальцем, встал со стула, забрал свою подушечку и пошёл в сторону буфета.

Разбросанные по столу шахматные фигуры пришлось убирать мне.

Глава 5. Герметичный детектив

Йозеф Гёрлих взошёл на борт в Дагоне.

Вот уж где я не мечтал оказаться и кого не планировал встретить. «Голиаф» пополнил тут запасы топлива и взял нескольких пассажиров. Со свежими продуктами в Федерации нынче было туговато, а вот со свежими газетами полный порядок.

Не желая светиться перед таможенными чиновниками, я подождал, когда лайнер отчалит и наберёт ход, и тут же выскочил на палубу в надежде первым поживиться федералистской прессой. И столкнулся нос к носу с почтенным корреспондентом «Беобахтера», от которого за версту несло капитулом тайных операций Протектората. Он, по всей видимости, тоже был удивлён такому стечению обстоятельств, но, в отличие от меня, тушеваться не стал, приподнял свой старомодный котелок, обнажив аккуратную седую стрижку, и произнёс:

– Гутен абенд! Подскажите, а где здесь буфет? Умираю от жажды!

– Да-да, буфет тут есть, на верхней палубе и ресторан в первом классе... – Я указал рукой примерные направления, не представляя, как вести себя дальше.

А Гёрлих представлял.

– Данке! – сказал он, снова отсалютовал котелком и направился к лестнице наверх. Бодрый такой старикашка!

И вот пойми – мы с ним как бы знакомы или как бы нет? А ещё Веста этот крутился тут же, тоже за прессой пришёл небось... Он, наверное, всю эту сцену в деталях рассмотрел. А газеты я тоже взял – одну зурбаганскую и одну дагонскую. С большей охотой почитал бы имперскую прессу, тот же «Курьер», но в Федерации, стране победившей демократии и свободы, запрещать продавать и выписывать иностранные издания считалось нормой.

* * *

«ВРАГ У ВОРОТ! ГЕМАЙНЫ ОСАДИЛИ АРЛИНГТОН!» – вопили заголовки. Это значило, что архиепископ Стааль спустил команду с поводка. А ещё, что мои парни выстояли там, в ущельях Солнечных гор, и крепко дали по зубам каннибалам. Так крепко, что угроза удара в тыл Наталю со стороны людоедских племён Сахеля была ликвидирована, по крайней мере, на долгое время.

Уже стемнело, зажгли электрическое освещение. Я слегка передвинул стул, чтобы жёлтый свет лампочки попадал на газетный разворот, и принялся за чтение.

За бортом плескались океанические волны, на небе возшла луна.

– Вы так смотрели на сцену в последний раз, когда мы исполняли «Small town blues», – раздался приятный женский голос. – А теперь ваши глаза горят, когда видят заголовки о войне.

Это была Изабелла Ли собственной персоной! Я тут же вскочил с места, поприветствовал её и предложил место для сидения – здесь, в шахматном клубе, было полно стульев. Честно говоря, тот факт, что певица решила заговорить со мной, сбивал с толку.

– Я подошла к вам потому, что вы единственный всегда переставали жевать и откладывали столовые приборы во время нашего выступления, – пояснила она. – Вы любите музыку и уважаете наш труд – это достойно. А я люблю шахматы. Сыграем?

– Вы выиграете, – предупредил я. – Если вас это устраивает, я с удовольствием вам проиграю.

– Можете звать меня Изабелла, – сказала она. – А победа меня вполне устроит.

И она сама принялась расставлять фигуры.

– Я всегда наблюдаю за залом, когда пою. И знаете что? Большой гадюшник, чем ваша секция, сложно себе представить, – житейским тоном поведала певица. – Удивительные экзем-

пляры собрались в одном террариуме! Как будто кто-то их специально подбирал. Сегодня, кажется, туда добавится ещё одно ядовитое насекомое – приняли на борт несколько часов назад.

Наверное, она говорила о Гёрлихе. Наша партия развивалась плавно, до ужина было ещё около часа, а потому я решил поддержать беседу.

– Народ странный, но мне они не показались такими уж мерзкими, разве что Вильсоны...

– А что Вильсоны? – удивилась Изабелла. – Развращённые, избалованные молодые люди, типичные представители богемы Аракира, Кри или Паранигата. Что вы в них рассмотрели?

– Марафетчики, – пожал плечами я. – Никогда не любил наркоманов.

– И как вы сделали такие выводы?

– Я пограничник, у меня чутьё...

На самом деле Гарри часто тёр переносицу и тербил массивный перстень, время от времени невольно сдвигая фальшивый камень в сторону – такие тайнички были вполне в духе любителей кокаина, а Барбара имела дурацкую привычку шмыгать носом в самый неподходящий момент.

– Ну, пусть так. Кокаин не запрещён в большинстве стран, вполне невинный стимулятор.

– Да-да, а водка – отличный антисептик. А опий – снотворное. И в империи, кстати, закон о запрете кокаина, каннабиса и целой группы опиоидов был принят лет пятнадцать назад, ещё при прежнем императоре.

– Дались вам эти Вильсоны. Вы присмотритесь к сёстрам Медоус. Я читала в газете об этих милых дамах, – закатила глаза Изабелла. – Их мужья скончались в один день с одинаковыми симптомами. Но следствие зашло в тупик – вскрытие не нашло следов яда или насилия, и в момент смерти вдовушки имели железное алиби – они проводили время на чаепитии у третьей своей сестры. Но поверьте мне, я родом из Ассинибойна, и в тамошних трущобах знают немало способов покончить с врагом в таком стиле. Хотя о каком стиле тут может идти речь: пена изо рта, конвульсии, испражнения... Фи! А помимо мужеубийц Медоус у вас есть ещё потрошитель Сартано, маньяк Роше и фанатичка Моррис.

Эта женщина определённо вызывала оторопь. А ещё громила меня на всех фронтах, закупорив основные мои фигуры в углу клином пешек при поддержке кавалерии.

– А Веста и Егучи-сан? – поинтересовался я.

– Егучи осуществлял кровную месть и теперь возвращается домой, а Веста... Веста – пустое место. Ничтожество. Посредственность. – Здесь явно прослеживалось что-то личное.

Её способность стгущать краски была уникальной. Мне и вправду начало казаться, что мои соседи по ресторану кровавые убийцы и настоящие живодеёры. Оставался вопрос, кем, по её мнению, являюсь я сам?

– Кстати! Я хотела попросить вас об одолжении... – Она шикарно улыбнулась и грациозно склонилась над столом, глядя мне прямо в глаза.

Чёрт побери! Будь она лет на двадцать помоложе...

– Я весь внимание.

– Позвольте сегодня отужинать с вами? В Дагоне помимо нескольких новых злодеев к нам присоединился ещё и Юсси Густавсон, этот малолетний пижон. Сегодня мы слушаем баритональный тенор и проникновенные баллады. Вы любите баллады?

Я понятия не имел, люблю ли я баллады. Но провести время с Изабеллой Ли и разворошить наш гадюшник показалось мне неплохой идеей. Тем более что мне нужно было прикрытие – в случае если Гёрлиха определяют в нашу секцию.

* * *

Оставалось какое-то время до ужина, и я отправился в каюту, перед этим намереваясь найти Натали и заказать у неё ещё и шарф. Уж больно мне свитер понравился, а хороший шарф на Сипанге мог пригодиться – чёрт его знает, куда занесёт того же Гусева или Пьянкова-Питкевича. Остров длинный, и в то время, как на его южной оконечности растут пальмы, на северной завывают метели. Ещё бы шинель или толковое пальто, но даже свитер и шарф – это уже неплохо...

Я шагнул по гулкому коридору и поражаюсь громадности корабля. Тут был ресторан и кафе, три курительные комнаты по классам, два обеденных зала – мужской и женский, турецкие бани, бассейн, корт для игры в теннис, гимнастический зал... Чёрт побери, это был чуть ли не целый город!

Натали и её подруги проводили время между сменами в кают-компании – их тут тоже было несколько. Девушки слушали радио, читали книги, рукодельничали и просто болтали о пустяках. Наверняка и пассажирам тоже перемывали косточки. Конечно, нас никто так запросто на территорию экипажа пропускать не собирался, но я знал пароль для вахтенного. «Пятёрки хватит?» – вот как он звучал. «Давай мигом, пока никто не видит!» – примерно таким был отзыв. Наверняка кое-кто из наиболее шустрых пассажиров тоже шастал сюда, и явно не за шарфом.

Мне оставалось спуститься на одну палубу ниже и миновать почтовое отделение (тут было целое своё почтовое отделение!). Когда я взялся за ручку двери, ведущей на лестницу, то на секунду замер – мне показалось, что я слышал шаги за своей спиной. Оборачиваться показалось глупым, но настороже быть стоило. Преодолевая ступеньку за ступенькой по пути вниз, я на секунду замер – дверь сверху точно скрипнула! И почти одновременно застучали каблуки по лестнице.

– Зря ты сюда зашёл, с-сука!

Ориентируясь по перилам рукой, я успел спуститься на площадку и повернуться спиной к стене, прежде чем первый удар кулака, обмотанного вафельным полотенцем, обрушился на мою голову. Меня принялись лупить сразу трое противников и, прежде чем я опомнился и начал действовать, отделали знатно.

– Проклятый шовинист! – рычал кто-то на лаймиш, пиная меня ботинками.

– *Liberté, Égalité, Fraternité!* – шипел ещё один на языке арелатских месье, норовя достать меня по печени.

– *No pasarán!* – вторил ему злобный руссильонский говор.

– Подите к чёрту! – В какой-то момент я смог вырваться из этой молотилки, нырнул вниз, въехал кулаком по причиндалам обладателю обмотанных кулаков, дёрнул за ногу злобного руссильонского каталанца и ужом проскользнул под мышкой у потного толстяка-арелатца.

Сражаться с тремя врагами голыми руками и победить получается только в сказках. Или у императора. Я на четвереньках карабкался вверх по лестнице, отбрыкиваясь от агрессоров, которые пытались ухватить меня за ноги. Одному из них я заехал в лоб каблуком, но сапог мой остался в его руках. Я так и сбежал – в одном сапоге, залитом кровью из носа рваном свитере и изгаженных красным штанах. Это было чёрт-те что – прорабатывать легенду, таскать на себе пограничную оливу, чтобы напороться на кретинских анархических матросов и получить по морде просто потому, что я имперец. Да я руку на отсечение готов дать, что будь на моём месте настоящий пограничник или любой другой военный, флотский, полицейский или преторианец из империи – он получил бы тоже! Они там не разбирались в мундирах: имперский офицер был для них тождественен палачу, сатрапу и душителю свободы. Одного появления при параде

на ужине оказалось достаточно – все вокруг звали меня поручиком, а официанты или кто-то из пассажиров настучал анархической ячейке о появлении на борту идейного противника.

Что ж, господа анархисты... Хотите войны? Вы её получите.

* * *

Моё появление в ресторане в парадном мундире с Изабеллой Ли под руку, огромным бланшем под глазом и сбитой переносицей произвело фурор. Вильсоны улыбались, сестры Медоус и вдова Моррис демонстративно отвернулись, Сартано зааплодировал. Роше и вовсе не поднимал носа от тарелки.

Веста бесцеремонно подвинул стул к нашему столику:

– За что вас отделали, поручик? Я надеюсь, те, кто напал на вас, выглядят хуже?

– Чёрт его знает, как они выглядят, там было темно. А отделали меня за то, что, как вы и сказали, я поручик. А вы, Веста, с дамой не поздоровались. Фу, как некультурно. Неужели моя ободранная физиономия затмила для вас госпожу Изабеллу Ли?

Джон Веста смешался и отстал, удалившись к своему месту. Моя спутница только иронично подняла бровь.

– У меня сегодня есть намерение напиться. Редко могу себе это позволить. Но сегодня я не на работе, и вы мой сопровождающий. Могу я рассчитывать на то, что буду доставлена в каюту в целости и сохранности? Вы джентльмен?

Я подавился слюной и закашлялся. Джентльмен? Видал я джентльменов... Например, колонеля Бишоп.

– Нет, я не джентльмен. Но будьте уверены, ни капли спиртного в рот сегодня не возьму и буду исполнять роль вашей заботливой тётушки.

– Эх, поручик, будь я лет на двадцать помоложе, то не поверила бы. А так... Гарсон, бренди! – Она подозвала официанта, а потом снова обернулась ко мне: – Расскажите мне об империи, ладно?

* * *

Мы отлично проводили время. Я рассказывал о становлении мирной жизни в империи, освоении севера, общественном компромиссе, железнодорожном буме, цеппелиновой лихорадке, изменениях в сфере образования и строительстве каскада ГЭС на Борисфене. А она говорила о своей молодости в Ассинибойне, роскоши и нищете Сипанги, стремительном взлёте одних и падении других. Беседовать по душам с умной женщиной на равных, без всякого романтического подтекста, это отдельное удовольствие, которое я всегда ценил особо.

Баритональный тенор Юсси Густавсона был неплох, баллады слегка заунывны, но вполне мелодичны и проникновенны. О чём он пел, я не понимал от слова совсем, его акцент родом из Хедебю был ещё более заковыристым, чем креольское произношение Изабеллы Ли, когда она исполняла песни своей малой родины.

А потом появился Гёрлих. Он без всякого пафоса уселся за столик в углу у самой двери и принялся поглощать картофельные кнедлики с гуляшом и зелёным горошком, запивая простую еду малым графинчиком настоящего шнапса. Тевтон не подавал виду, что знает меня, только поглядывал из-под седых бровей, цепко, подозрительно.

– Так скажите, поручик, за что вас побили? – наконец спросила Изабелла.

– За то, что имперец. Это даже забавно. В империи мне порой приходилось сталкиваться с агрессией потому, что я наполовину горец, а за пределами империи потому, что имперец. Для наших мигрантов это будет интересный опыт: сейчас они все горцы.

– Что вы имеете в виду? – склонила голову набок она.

– В остальной империи всегда было принято считать горцев жуткими ретроградами, традиционалистами, воинственными дикарями, обладающими специфическим кодексом чести, помешанными на своих семьях, оружии и малой родине... В столице или в Мангазее проучить южан считалось делом чести, и потому потасовки между шовинистами и людьми из диаспоры случались довольно часто.

Изабелла Ли белозубо улыбнулась:

– Вы ведь сейчас описываете типичного имперца! Мы все так думаем о вас!

Я ухмыльнулся:

– И всем наплевать, сколько у имперца высших образований, какого он происхождения и какую партию поддерживает, да? Традиционалист, милитарист, шовинист, твердолобый реакционер... Каково нашим диссидентам, представляете? Они всю жизнь боролись с режимом, пописывали злобные статейки в газеты, ненавидели империю и выводили людей на демонстрации, а теперь в Альянсе или Арелате, и в Сипанге тоже, если я вас правильно понял, могут выловить в подворотне и отоварить только за то, что ты из империи! – Я шмыгнул разбитым носом, снова вызвав улыбку Изабеллы.

Самому мне вдруг стало не до улыбок – возникло ощущение опасности. Оно табуном мурашек спустилось по затылку, спине до копчика, и я весь напряжился и осмотрел нашу секцию. Все были на местах и вроде как заняты ужином. Только Веста чуть привстал со стула, сделал стойку. Его ноздри трепетали, как у охотничьей собаки, почуявшей дичь. Тоже почувствовал?

На сцене Юсси Густавсон заливался соловьём. Он взял особенно долгую ноту, жующие зрители оторвались от своих тарелок, музыканты замерли в драматической паузе...

Вдруг свет погас, все разом завопили, раздался хрустальный звон разбитого бокала, грохот падающей мебели, топот множества ног и зычный голос капитана Шиллинга:

– Спокойствие! Сейчас всё будет в порядке! Оставайтесь на своих местах!

Я и не думал вставать со своего места, разве что сунул руку в карман и сжал ребристую рукоять револьвера. По всему выходило – чуйка меня обманула, угрожали на сей раз не мне. А кому?

– Какой кретин полез в щитовую? – яростно гремел капитан. – Убью мерзавца!

Все наконец замолкли, и в тишине раздались щелчок рубильника и гудение генератора. Публика зашевелилась, загомонила. Изабеллы рядом со мной уже не было – её платье мелькнуло где-то у сцены. Веста стоял посреди нашей секции и смотрел куда-то в угол. Я проследил за его взглядом и беззвучно выматерился.

Единственный, кто не возмущался отключением света, никуда не бежал и не возвращался к еде, был Йозеф Гёрлих. Он сидел за своим столиком, прислонившись к стене, и был смертельно бледен и мертвецки спокоен. Потому, что в горле у него торчал столовый нож – точно такой, какой лежал у каждого из нас на столе.

Глава 6. Несколько переменных (герметичный детектив-2)

Я поверить не мог, что Гёрлиха прикончили вот так запросто! Матёрый шпион, корреспондент «Беобахтера», брат-рыцарь в конце концов элита ордена! Если уж его укололи прямо за ужином, куда мне с моей интеллигентско-пехотной душой против таких матёрых хищников... Нужно было покидать «Голиаф» и добираться до Сипанги самостоятельно!

– Никому не двигаться! – вдруг рявкнул Веста. – Все, кто находился в секции до блэкаута – подозреваемые! Вы все под следствием!

И плевать, что, например, Изабелла Ли уже ускользнула куда-то, пользуясь суматохой, да и Роше бочком-бочком пятился вдоль ширмы с цветочными вазонами.

– А кто ты, мать твою, такой, чтобы проводить следствие? – возмутился Гарри Вильсон. – Не пошёл бы ты в задницу?

– А вот кто я, мать твою, такой! – Веста достал из внутреннего кармана удостоверение. – Служба безопасности компании «Трансокеаник Сипанга лайн».

– Видал я твои значки! – фыркнул Гарри. – Хреновая у вас тут безопасность, если человека вон ножом до смерти затыркали.

– Молчать, – сказал оказавшийся за его спиной капитан Шиллинг. – Я подтверждаю полномочия мистера Весты расследовать это дело. Если он сказал, что вы подозреваемые, значит, так оно и есть. И я выделю в помощь несколько вооружённых матросов, если потребуется.

Это было уже серьёзно. Я так и сидел на своём месте всё это время и не двигался. Только руку из кармана достал – в такой обстановке револьвер ни к чему, здесь не оружие нужно, а хладнокровие и рассудительность. А ещё чёткость рассудка. А вот с этим, видимо, начинались проблемы. Мне мерещилось громкое частое тиканье, как в старых часах.

– Доктор Сартано, зафиксируйте причину смерти! – раздался голос Весты.

Апеннинец приблизился к убиенному и принялся разве что не обнюхивать его. Насколько я мог видеть, лицо доктора, ранее округлое и полное жизни, вытягивалось всё сильнее и сильнее:

– Смерть могла наступить от нескольких причин. – Это прозвучало весьма странно, учитывая торчащий в шее тевтона столовый нож. Но доктор мигом привёл аргументы, отодвинув стул с мёртвым Гёрлихом от столика: – Огнестрельное ранение в брюшную полость – это раз! Видите, вот входное отверстие... Отравление сильным органическим ядом, например цикутоксином, это два! Пена на губах и другие признаки говорят именно об этом. Ну и удар столовым ножом в сонную артерию, это три. Да что это за дурацкое тиканье, чёрт бы меня побрал! Оно жутко действует мне на нервы!

Так оно мне не казалось? Я дёрнулся, но Веста среагировал раньше: рванулся к стулу с Гёрлихом, заглянул под сиденье, с металлическим лязгом извлёк оттуда некий брусок с закреплённым часовым механизмом и раз-раз – вырвал из взрывчатого вещества детонатор. Однако не такое он и ничтожество, этот Джон Веста! Действительно, умеет...

– Бомба! – переглядывались мы.

Дамы были на грани истерики, мужчины явственно побледнели. Все прекрасно понимали: если бы взрыв произошёл, одним Гёрлихом количество жертв не ограничилось. Почему мы не слышали это чёртово тиканье до сих пор? Ответ прост – всё-таки оно было негромким, к тому же звучала музыка. Юсси Густавсон обладал впечатляющим голосом, а Гёрлих пришёл с опозданием, когда концерт уже начался. Вряд ли бомбу поставили сильно заранее.

– Так. – Веста пригладил усики. – У нас тут не один убийца, а четыре! Точнее, три убийцы и один террорист. Капитан, я буду вынужден попросить вас задержать всех из этой секции и запереть в каютах, пока мы с доктором не проведём вскрытие и не установим природу яда. После чего доктора тоже нужно будет запереть в каюте. Ещё мне нужен список всех, кто имел

доступ в эту секцию во время концерта – официанты, уборщицы... Вряд ли бомбу подложили слишком заранее, это явно кустарная работа: убогий детонатор, сравнительно шумный механизм. Штука ненадёжная!

Больше всех скандалили Вильсоны, совсем не сопротивлялись шокированные происходящим сёстры Медоус, остальные вели себя где-то между этими двумя крайностями.

И нас повели по каютам. В моей ситуации резких движений делать не стоило – пока что. План побега с «Голиафа» постепенно вырисовывался, но для его реализации лайнер должен был подойти к берегу Сипанги куда ближе. Всё-таки мореходных навыков, полученных во время путешествия с Фахнертом и Тесфайе на «Фрези Грант» было явно недостаточно для длительного плавания в бурных океанических водах. Вот будь у меня напарник... Но предаваться мечтам не стоило.

Матрос, вооружённый помповым ружьём, встал в коридоре, главный стюард позвякивал связкой ключей.

– Разрешите ваши?.. – Он явно хотел получить мои ключи.

Ну и чёрт с ним. Я вошёл в каюту, и за мной лязгнул замок.

По всему кораблю разыскивали Роше, Изабеллу Ли, кого-то ещё. Все обсуждали мёртвого Гёрлиха. Для широкой публики объявили, что он умер от апоплексического удара, когда выключился свет. Насильственный характер смерти пока удавалось скрыть – тевтон представился в самом дальнем углу самой дальней секции, почти всех соседей задержали...

Кроме Роше и Изабеллы Ли.

Мне не удавалось собраться с мыслями: слишком быстро размеренный корабельный быт сменился какофонией событий. Появление Гёрлиха, общение с Изабеллой, местной звездой, нападение анархистов, смерть Гёрлиха – сразу множество событий. Следовало взять паузу, всё обдумать и подготовиться к неприятностям.

* * *

Я не строил иллюзий по поводу своих детективных способностей. Расследовать сразу четыре преступления – это слишком. А вот одно из них вполне было мне по силам, тем более, я в нём тоже сыграл свою роль, пусть и невольно.

Она подошла ко мне именно в тот день, когда на борту появился Гёрлих. Использовала меня, чтобы проникнуть именно в нашу секцию ресторана. Когда выключился свет, рядом со мной её уже не было. Да и рассказы про трупщобы Ассинибойна звучали очень правдоподобно, с ненавистью к богачам из картельной элиты. И слова про гадюшник в первом классе... Изабелла Ли – женщина современная, явная эмансипе и сторонница борьбы за права женщин, наверняка имела отношение к тем анархистам, которые разбили мне физиономию на лестничной площадке. Потому что таких совпадений просто не бывает! А анархисты – большие любители самодельных взрывных устройств, приходилось сталкиваться.

В эту теорию укладывался и внезапно погасший свет – товарищи из ячейки отрубили его, дав шанс сообщнице совершить теракт.

У меня было два варианта подтвердить или опровергнуть гипотезу: найти или певицу, или тех трёх типов из команды. Я оставил отметины, кажется, на каждом из них, так что шансы были, пусть и призрачные. Чёрта с два мне позволят шататься по кораблю и заглядывать в рожу каждому встречному-поперечному члену экипажа.

Переодевшись в цивильную сорочку и брюки, уложил форму и разбросанные по каюте вещи обратно в саквояж, документы и фото снова запихнул на своё место, в тайник у боковой стенки. В один карман брюк сунул складной нож, во второй – заряженный револьвер.

За стеной слышался громкий истеричный голос Барбары и напористый тон Весты – он вёл расследование. Скоро этот усатый красавчик доберётся и до меня, будет допрашивать. Точнее – опрашивать.

При всём своём грозном виде провести настоящий обыск или допросить с пристрастием он просто не имел права. Этим могут заниматься только официальные государственные законники. Даже в таком либертарианском раю, как Сипанга. Веста может пучить глаза и надувать щёки, но максимум, на что у него есть полномочия, – это запереть нас в каютах. И то нам выплатят компенсацию. Мы ведь имели билеты первого класса и оплатили все удобства. Желали бы сидеть в четырёх стенах – купили бы места в трюме.

Я неплохо проводил время на диване, попивая содовую и разглядывая бумажную версию моей основной легенды – пачку бумаг с именами, фамилиями и возможными местами обитания эмигрантов, которых стоило попытаться вернуть на родину. Гусев с Лосем и Пьянков-Питкевич с Манцевым тоже были здесь – размытые фото и несколько абзацев о каждом среди ещё пяти десятков таких же обиженных на республику или старую империю непризнанных гениев. Цорн, Сальватор, Доуэль, Вагнер, Моро и другие, чьи открытия граничили с магией и могли вывернуть мир наизнанку, все они в своё время отметились на Сипанге, и наверняка по их следу шли ребята куда серьёзнее меня. Моей же целью был серафит, ультралиддит и дурацкие трубочки с газом. Ни больше, ни меньше. Пообщаться со всеми этими фанатиками от науки было бы чертовски любопытно, так что я отчасти жалел, что на самом деле не являюсь имперским агентом-вербовщиком. Ну что такое серафит, в конце концов, по сравнению с возможностью вживлять людям органы диких животных и рыб, даруя таинственные и страшные возможности? Что может быть увлекательнее, чем выяснять, вправду ли эти эксперименты были удачными или гора снова родила мышь, а современная наука – очередного шарлатана?

* * *

Раздался стук в дверь. Конечно, это был Веста. Вот кто являлся главным героем этого детектива! Он здесь был основным персонажем, а я – или свидетелем, или подозреваемым. В худшем случае – следующей жертвой.

– Сдайте оружие, поручик! – с порога сказал он.

– И не подумаю.

Джон Веста прищурился, подвинул себе кресло и сел напротив меня, с интересом поглядывая на бумаги, которые я держал в левой руке. Правая – в кармане – направляла револьвер ему в живот.

– Вот об этом я и говорю. У вас есть оружие, и вы умеете стрелять прямо из кармана, как некоторые криминальные элементы городских трущоб империи. Вам ничего не стоило пристрелить Гёрлиха.

– И как я мог бы вас убедить, что невиновен? Разве что, предъяви я вам своё оружие, вы не нашли бы там следов пороха, и барабан был бы полон. Да и калибр оказался бы куда больше, чем у той пукалки, которой продырявили бедолагу-тевтона.

– Тевтона? Вы были с ним знакомы? – Он любил такие игры и получал настоящее удовольствие от процесса.

– Виделись в Зурбагане во время фестиваля уличного искусства. Он, кажется, репортёр какой-то протекторатской газеты...

– «Беобахтера», – сказал Веста, выжидающе глядя на меня.

Я и бровью не повёл:

– Что-то правительственное? Я, наверное, отправлял туда свои путевые заметки несколько раз. Впрочем, куда я их только не отправлял.

– А вы литератор?

– Местами. Кончайте игры, Веста. Вы сейчас будете говорить, что я имперский шпион, который убил протекторатского шпиона, намекая на то, что я такой болван, что прикончил его в первый же день, как только увидел? Околесица! Возникни у меня нужда его прикончить, я бы выбросил его за борт дней через пять, и дело с концом. Но зачем мне это делать? Протекторат и Новая империя сейчас соблюдают режим наибольшего благоприятствования и не враждуют открыто, насколько я знаю. А из личных мотивов... Из личных мотивов я, пожалуй, прикончил бы Вильсонов – не люблю марафетчиков. Кстати, о Вильсонах! Давайте размен баш на баш – вы говорите мне, какой калибр у пули, что нашёл Сартано в теле бедного герра Гёрлиха, и, если всё совпадёт, я дам вам наводку на одну интересную шлейку для кобуры скрытого ношения.

Джон Веста откинулся на стуле:

– А вы довольно хороши в этом дерьме для провинциального поручика-пограничника, конечно. Жизнь помотала?

– Помотала. Так какой калибр?

– Ноль сорок четыре.

Есть! У Барбары точно был «Дерринджер» под платьем! Неужели всё так просто? Какой у них мог быть мотив? С другой стороны, наркоманы. Взбрело даме в голову, и пристрелила ненавистного сатрапа и душителя свободы из цитадели мирового зла – Протектората. А папенька потом откупится. Кто там, интересно, папенька? Хватит у него денег для того, чтобы дело не всплыло наверх, и убийство так и осталось апоплексическим ударом? Но это всё домыслы. Разбираться будет Веста. А потому я сказал:

– Если они не совсем идиоты, то объявят о пропаже «Дерринджера» сегодня или завтра. А если совсем, то вы можете найти его на правом бедре у некоей взбалмошной особы из соседней каюты. Это в принципе опасно – оставлять огнестрельное оружие в руках у людей, которые большую часть жизни проводят под воздействием дурманящих веществ.

Глаза сыщика округлились, он хотел сказать что-то, но его прервал громкий женский крик с другого конца коридора. Веста вскочил с кресла, рывкнул:

– За мной! – И выбежал за дверь.

Ну я и последовал за ним по коридору туда, где кричала горничная.

Это была каюта Егучи, того маленького серьёзного нихондзина. И горничная кричать не перестала. Веста просто взял и переставил её в сторону от двери, бросив подбежавшим Натали и другим девушкам:

– Займитесь! – И сунулся в каюту.

Я – за ним. Почему вдруг сыщик стал мне доверять, чёрт его знает... В любом случае Джон грязно выругался, развернулся на каблуках и ткнул большим пальцем себе за спину.

– Как вам это нравится?

Мне не нравилось. Кому понравится лежащий на полу полуголый, упитанный и татуированный нихондзин, из брюха которого торчит странного вида клинок и вываливаются кишки? Более того, последним усилием Егучи-сан загонял этот самый клинок ещё глубже, желая наверняка сдохнуть. Он и сдох спустя секунд тридцать, не издав ни единого звука.

– Чёртовы нихондзины. Теперь мне всё ясно со вторым убийцей. – Веста достал из кармана портсигар и закурил прямо тут, в каюте. – Знаешь, как они ловко швыряются всякими заострёнными штуками?

Я не знал. Для меня всё было действительно странно, но за время этого своего приключения я повидал народы весьма удивительные и с обычаями чрезвычайно диковинными, так что идея выпустить себе кишки после того как швырнул в кого-то столовым ножом, не казалась такой уж нереальной. Тем более Изабелла говорила, что у Егучи были личные мотивы. Например, отомстить Гёрлиху за что-то. Месть выполнена – можно помирать? Кретинское объяснение, но какое есть...

– Ладно, два убийства на борту – это уж слишком. Буду запрашивать подкрепление, так что, если не хочешь, чтобы за тебя взялись всерьёз, сиди в своей каюте и не высывайся!

И когда это мы перешли на «ты»?

Великий детектив всех времён и народов зашагал по коридору и, глянув на матросов с ружьями, сделал им жест от глаз двумя пальцами, мол, я за вами присматриваю, или наоборот, присмотрите тут за всем. И пошёл, покуривая сигарету. Он даже тело не прикрыл – просто запер каюту, и всё!

Каналья, как есть каналья. Вот кто такой этот Веста!

Я пока понятия не имел, что делать дальше, да и ночь никто не отменял – спать уже хотелось довольно сильно. Запереть двери, забаррикадироваться, надраться виски и подремать несколько часов – этот план был ничем не хуже остальных. В любом случае в авантюру с побегом лучше было пускаться выпавшись.

* * *

Ни в дверь, ни в иллюминатор никто не мог проникнуть – я об этом позаботился. Даже придвинул чёртов пуфик и сунул стул в ручку! Расположившись на диване, я приложился к бутылке и приготовился вздремнуть, как вдруг вздрогнул. Мне показалось, что за стеной кто-то шепчется на лаймиш с руссильонским выговором. Какого чёрта, за стеной была каюта Вильсонов, и звукоизоляция тут имелаась – нужно было усиленно напрягать голосовые связки, чтобы до соседей дошли отголоски!

Но после случая с тиканьем и бомбой я решил всерьёз относиться к тому, что мне кажется. Или кажется, что кажется. А потому напрягся, ухватился за револьвер и прислушался. Шептались двое!

– ...давай её сюда! Да не бойся, проваляется несколько дней в лихорадке, заблюёт тут всё до потолка и насрет в штаны, ничего такого! Это ж не чёрная мамба!

– Да ну, травить змеями – моветон!

– То есть подорвать дюжину человек нормально, а это моветон? Давай сюда, говорю тебе!

– А он точно тут?

– А где ему быть? Спит на кровати как миленький! Жорес сказал, что он взял бутылку и забаррикадировался в каюте!

Ажурная панель под потолком над кроватью вдруг отодвинулась, и рука в толстой перчатке что-то швырнула прямо на кровать. Панель задвинулась, и послышался шорох, как будто что-то скользит по металлу.

Змеи? Ненавижу змей!

Глава 7. Трое в лодке

У меня был сапог, один. Змейка, маленькая, жёлтенькая и какая-то вялая, будто бы замороженная, мигом оказалась подцеплена голенищем и съехала куда-то в район пятки. Я перекрыл ей путь вверх, воспользовавшись кружевной салфеткой с тумбочки, которой перевязал сапог. И поставил его в угол.

История с отъезжающей панелью требовала внимания. Я подозревал, конечно, что такой огромный корабль должен иметь свои тайны, и за пассажирами первого класса наверняка возможен присмотр, но чтобы двое взрослых мужчин поместились в условную вентиляционную шахту, это было слишком!

Обследовав ажурный квадрат, я прошёлся ножом по швам и – щёлк – подцепил задвижку! Панель отошла в сторону. Нормального фонарика у меня не было, и потому пришлось чиркать спичкой, чтобы осмотреться. По всему выходило, один из них становился другому на плечи, чтобы сунуть в каюту ядовитую тварь. Там было высоко, метра три, и шахта уходила куда-то под пол кают, в обе стороны. Такой просторной вентиляции я отродясь не видал! Габариты были явно чрезмерными – вроде как и вентиляция, а вроде и тайный ход. По крайней мере, слышимость была отличная.

Вильсоны, например, предавались своему любимому делу – скандалили и сношались. Как у них это получалось делать одновременно, ума не приложу. Тут нужны особые способности.

Знание о вентиляционной сети давало мне некоторые преимущества. Но вместе с тем лезть туда наобум, без освещения, схемы, с риском столкнуться с анархистами или ещё какими любителями шастать по тайным ходам, было бы чистой воды кретинством.

Только я задвинул назад панель, как в иллюминатор постучали. В чёртов иллюминатор, из которого открывался вид на бурные океанические просторы! Револьвер оказался в моей руке мгновенно, и я, сжав зубы, двинулся по направлению к источнику звука.

Стук раздался снова. Я отодвинул занавеску и глянул наружу, не торопясь разблокировать ручку.

– Твою мать, Джимми Коллинз, какого чёрта...

Этот славный парень из команды Илая Фокса висел прямо за стеклом, подавая мне таинственные знаки и корча жуткие рожи! Вот уж кого я не ожидал увидеть и кому совершенно точно был рад! Конечно, я открыл иллюминатор и пустил его внутрь – мокрого, холодного и жутко суетливого.

– Вы живы, живы! Они не успели! Тут в стене есть...

– Спокойно, Джимми Коллинз, опасность уже миновала, и змеюка сидит в моём сапоге...

– Змеюка? Какая такая змеюка? – вытаращил глаза матрос. – Я думал, они швырнут дымовую шашку или гранату, или пальнут в вас из револьвера. Змеюка! Украли у Роше, что ли?

– А при чём тут Роше? – Настало моё время тарашить глаза.

– Так у него целый террариум всяких гадов! Мы, когда в Агрбе его на борт принимали, одурели таскать всех этих чудищ. И тарантулы, и сколопендры, даже королевские кобры и...

– И чёрная мамба.

– Да! А откуда вы...

– Подслушал. Это анархисты?

– А откуда вы... А! Вы ведь человек непростой, я помню! Ну, это хорошо. Но вот что я вам скажу: мы с Джеком Доусоном подготовили всё, как приказал герр Гёрлих. Он и заплатил нам вперёд, чтобы всё организовали. Ну да, мы вроде как будем преступниками и пиратами, но лучше так, чем подохнуть ни за хвост собачий. Надо бежать, пока тут всё не зашло слишком далеко. – Он мерил шагами каюту. – Нас назначат на шлюпочную палубу завтра, после шести

склянок. Мы присмотрели судёнышко, с которым вполне сможем справиться втроем, и сейчас занимаемся припасами. Если у вас получится раздобыть оружие и съестное, это будет прекрасно, ей-Богу. Скажетесь больным, будто змея вас таки покусала, а сами тихо-тихо можете воспользоваться вентиляцией. Вот вам схема и ещё записка от Гёрлиха. Он уплатил вперёд, а Джимми Коллинз не такой человек, чтобы брать деньги задарма. Ну, раз у вас всё хорошо, то прощайте, мне ещё палубу драить!

Коллинз угостился бренди из бутылки, пожал мне руку и вылез в иллюминатор. Мне даже дышать стало легче – когда есть такой напарник, любая авантюра кажется по плечу! А Джек Доусон... Неужели этот тот самый бедолага, которого мы выловили из океана верхом на двери? Он вроде бы говорил, что собирался податься на океанический лайнер...

* * *

Я форменным образом обворовал кухню ресторана первого класса. Дождался, когда ужин закончится, а кухонные рабочие разойдутся по каютам, и выбрался из вентиляции с большим холщовым мешком, который стащил в прачечной. На дне мешка лежало несколько смен чистого белья, тоже краденого, чтобы использовать в качестве прослойки между бряцающими и звякающими предметами. Конечно, в закромах ресторана я поживился руссильонскими консервированными фруктами и хамоном, арелатскими корнишонами и оливками, вином, коньяком и содовой, а ещё полупудом пшеничной муки, апеннинскими спагетти и кое-чем кроме этого. Груз получился увесистый – я едва успел скрыться с ним под столом, за которым пряталась решётка вентиляции, когда один из поварят таки наведлся в кладовую, чтобы тайком полакомиться мороженым.

С вооружением дело обстояло похуже. Оно хорошо охранялось, и потому вместо винтовок и револьверов я стащил из кают-компания для офицеров несколько образцов холодного оружия – шпаги, кортики, абордажные топоры родом из позапрошлого столетия.

Всё это богатство я складировал в одном из ответвлений вентиляции под шляпочной палубой, с опаской размышляя о том, что не один я ползаю по коммуникациям, и большим кретинством будет просрать весь скарб по чистой случайности.

Веста наверняка знал про вентиляцию – нужно же ему было заниматься промышленным шпионажем и собирать компромат. Не убийства же расследовать его сюда посадили, верно? И знал капитан Шиллинг – у него-то точно была самая полная схема корабля. И анархисты – им, скорее всего, слили информацию о тайных ходах товарищи с верфей.

Анархизм получал своё распространение там, где власти отказывались заниматься трудовым законодательством и слишком потворствовали дельцам и картелям – на Сипанге, в некоторых городах Апеннинского архипелага, отчасти в Арелате и Руссильоне. В Альянсе власти их давили нещадно, вплоть до смертной казни, в Протекторате местные любители орднунга, услышав речи анархического свойства, наливались дурной кровью и могли затоптать баламута самостоятельно, без привлечения полиции. А в империи активность ячеек товарищей сошла на нет в годы лихолетья. Одна их часть поддержала Ассамблеи и разделила судьбу лоялистов, какой бы она ни была, другая решила, что за свободу комфортнее бороться в странах тёплых и заморских. «Наше отечество – всё человечество» – аргументировали они.

Попадались среди анархистов и весьма интересные личности: энергичные, эрудированные и языкастые, с которыми хорошо схлестнуться в словесных баталиях за рюмочкой чая и очень плохо на поле боя. Но это лирика. Главное, чтобы эти личности не обнаружили мой схрон раньше Доусона и Коллинза.

* * *

В каюту уже стучали. Это был Веста. Я успел нырнуть под одеяло прямо в одежде и оставить сверху только лицо, когда дверь открыли запасным ключом снаружи.

– Что с вами? – забеспокоился сыщик. – Нездоровится?

– Подите к чёрту, Веста! – нарочито страдальческим тоном простонал я. – Там, в сапоге в углу, змеюка! Гадина цапнула меня за палец, он распух, и я теперь совершаю моцион между клозетом и кроватью с завидной регулярностью! Какой-то кретин хотел прикончить меня, но выбрал неправильную змею. Вы детектив? Идите ищите, кто таскает с собой змей на корабль! И оставьте меня в покое, потому как мне вот-вот предстоит совершить очередной забег в сортир!

– Вам точно не нужна помощь? Может быть, прислать корабельного доктора? Или Сар-танно?

– Пошлите их к чёрту, Веста! Почём мне знать, что это не кто-то из докторишек? Я видал таких змей в Колонии. То есть в Федерации. Моей жизни ничего не угрожает, а вот афедрону и желудку очень даже. Подите за дверь, Джон, Господом Богом прошу, иначе будете свидетелем пренеприятнейшего зрелища!

Веста потоптался немного на месте, потом ухватил сапог с замотанным салфеткой голенищем и на вытянутых руках вынес его в коридор. Я навёл его на Роше, а дальше куда кривая вывезет. Пускай разбирается. К этому франту у меня не сформировалось ни симпатии, ни антипатии. Мы с ним были слишком разными, это совершенно точно. И мне с ним было не по пути.

Вот с Джимми Коллинзом – другое дело.

* * *

Мы чувствовали себя очень глупо. Плечом к плечу втиснувшись в тот самый вентиляционный закуток, мы втроём наблюдали за тем, как какие-то типы пытаются сделать ровно то же – угнать средство передвижения, чтобы сбежать с «Голиафа». Только аппетиты у них были куда солиднее наших!

Будь я проклят, если они не собирались стырить паровой катер! Коллинзу и Доусону, которые вроде как несли вахту на шлюпочной палубе, полагалось им препятствовать, но там было несколько вооружённых людей!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.